

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

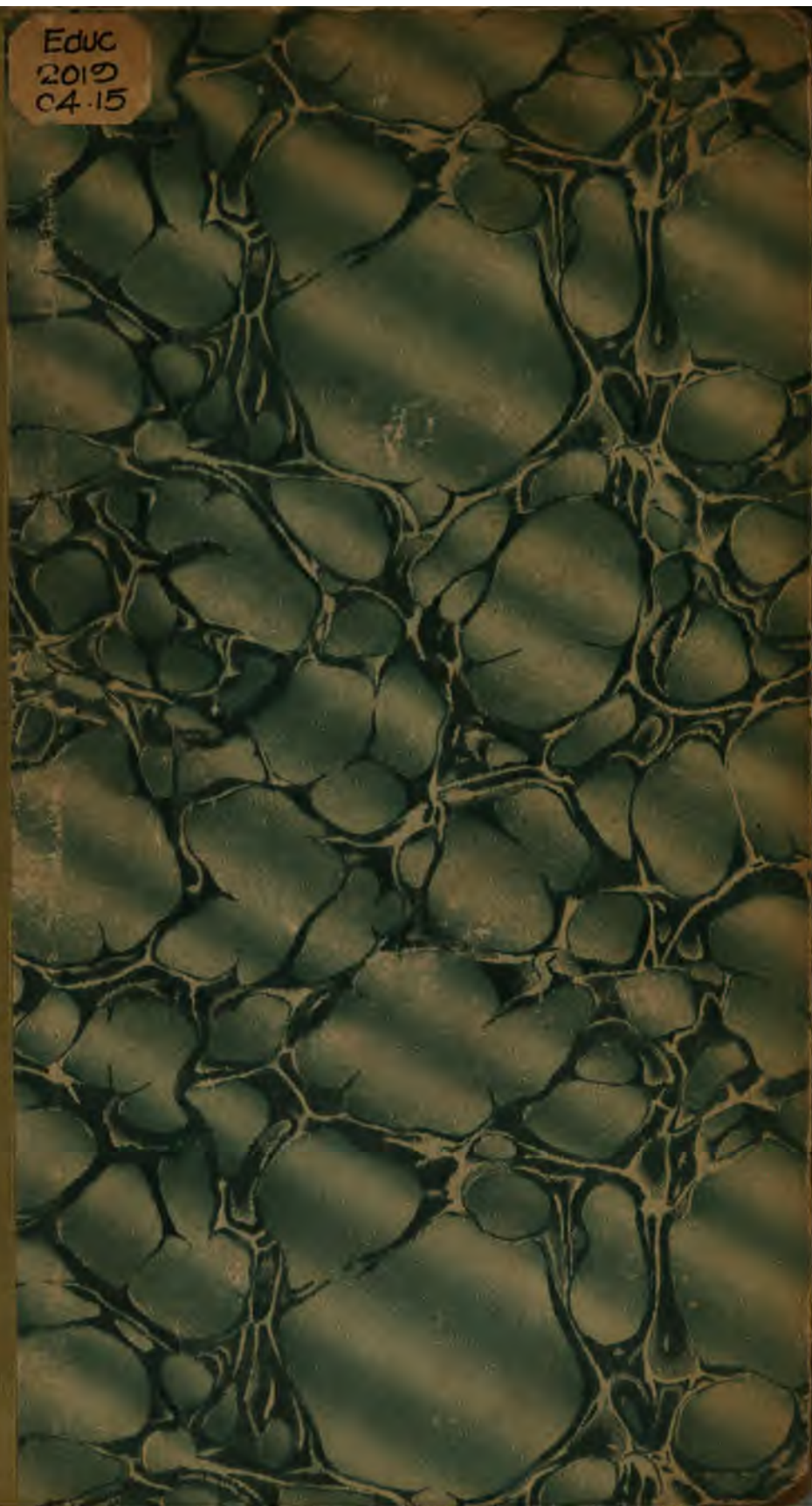
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Educ
2019
C4.15

Educ 2019.04.15

Harvard College Library

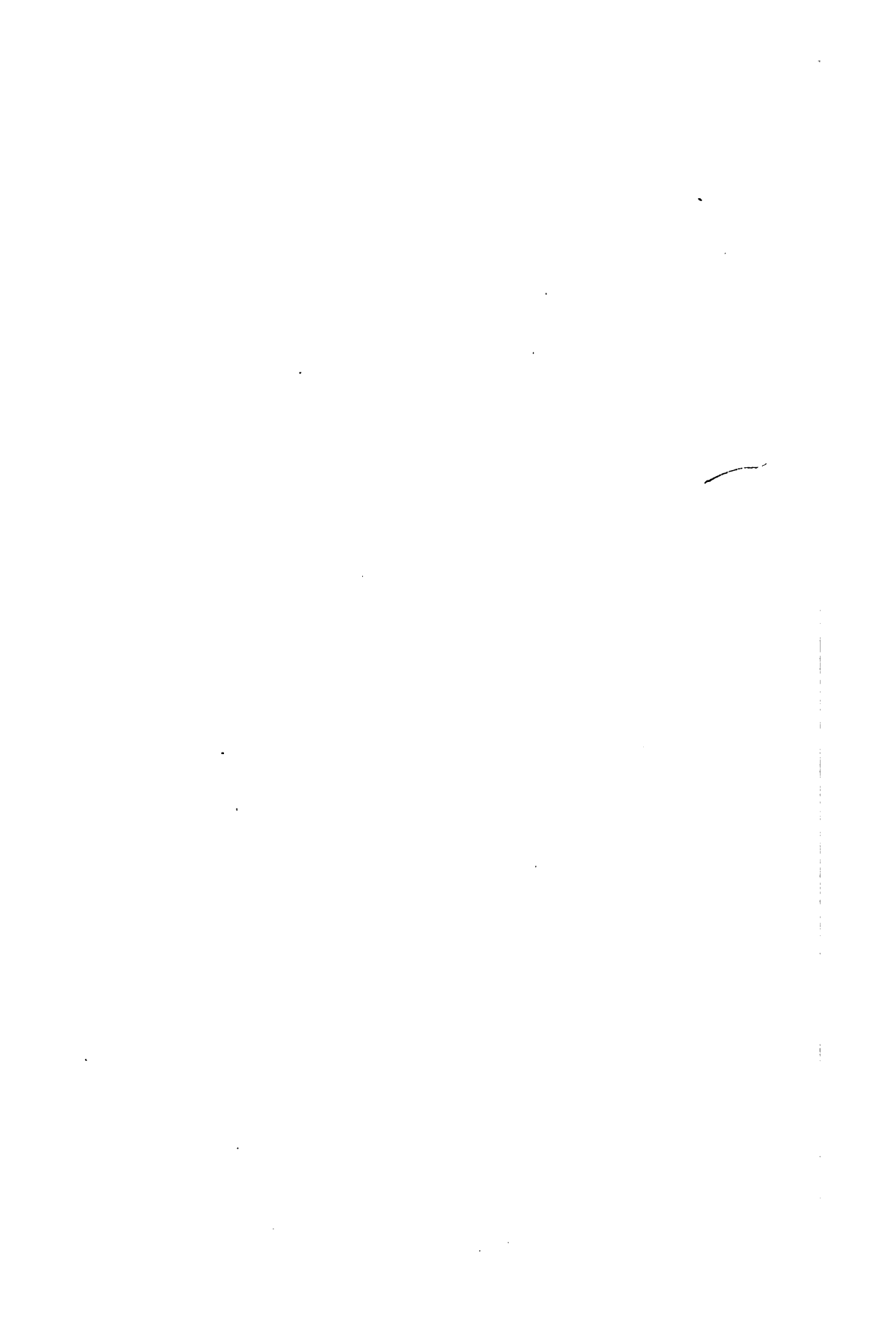

BEQUEST OF

JEREMIAH CURTIN

(Class of 1863)

RECEIVED SEPTEMBER 3, 1913

Educ 2019.04.15

Harvard College Library

BEQUEST OF

JEREMIAH CURTIN

(Class of 1863)

RECEIVED SEPTEMBER 3, 1913

Edinc 4921

~~bx~~

Jeremias Curti

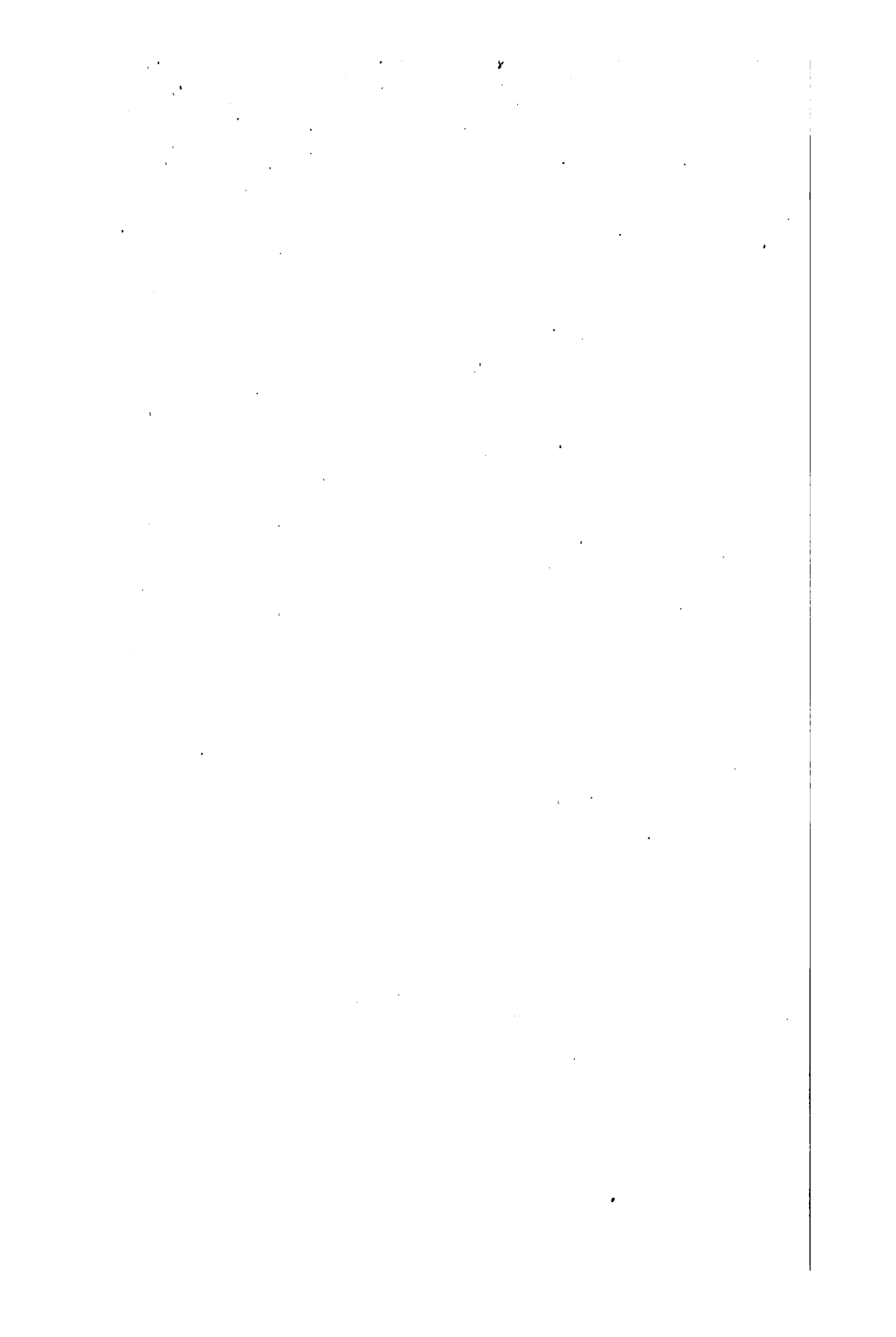
УЧЕНЬЕ И УЧИТЕЛЬ.

Педагогическія замѣтки.

Изданіе К. П. Побѣдоносцева,

П Я Т О Е.

Москва.—1903.

УЧЕНЬЕ и УЧИТЕЛЬ.

Педагогическія замѣтки.

Издание К. П. Побѣдоносцева,
пятое.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1903.

Edmc 2019.04.15

✓ ~~Edmc 1192.1~~

Harvard College Library

Sept. 3, 1913

Bequest of

Jeremiah Curtin (2 vols)

Дозволено цензурою. Москва, января 15 дня, 1903 года.

Jeremiah Curtis

УЧЕНЬЕ И УЧИТЕЛЬ.

Педагогическія замѣтки.

Прежде чѣмъ учитель началъ учить, ему предстоитъ важное дѣло, которое обыкновенно оставляется безъ всякаго вниманія. Учитель долженъ говорить, т. е. умѣть владѣть своимъ голосомъ сознательно, ибо и онъ прежде всего долженъ учить учениковъ своихъ говорить (издавать голосъ) сознательно. Это, можно сказать, первая ступень школьнаго ученія и первый залогъ успѣха.

Всякій долженъ стремиться къ тому, чтобы рѣчь его была—*внятная*. Кто затрудняется въ произношеніи или кто произноситъ такъ, что нелегко понять его, тотъ лишенъ главнаго орудія, необходимаго въ обращеніи съ людьми. Учителю же въ особенности невозможно управлять своимъ классомъ и овладѣть его внима-

ніемъ, если произношеніе его невнятно, грубо, или тупо, или монотонно, безъ смысла. Голосъ—великое дѣло—онъ можетъ и привлекать и отталкивать, и возбуждать и притуплять или раздражать вниманіе. Иного природа одарила хорошимъ голосомъ, иного обдѣлила; но и тотъ и другой обязаны учиться управлять своимъ голосомъ и его настраиать. Рѣчь учителя должна быть спокойная, сдержанная, внятная. Безъ многословія, каждое слово его должно имѣть цѣну и значеніе для класса.

Учить читать—значитъ учить говорить, т. е. произносить слова и складывать рѣчь сознательно. Въ этомъ смыслѣ уроки чтенія непрерывны до самаго конца школьнаго обученія, только приемы уроковъ неодинаковы, восходя отъ простаго до болѣе сложнаго. Малый ребенокъ прежде всего приучается правильно произносить каждое слово, и каждое чтеніе должно служить упражненіемъ голоса.

Вслѣдъ за этимъ упражненіемъ станемъ испытывать способность дѣтей уловить смыслъ цѣлой фразы. Сначала пусть они въ умѣ подумаютъ, что оно значитъ; потомъ, пусть тотъ или другой скажетъ свою мысль; затѣмъ, когда образуется общее значеніе фразы, пусть прочтутъ ее внятно. Тутъ дѣло учителя наблюдать

за интонаціей чтенія: она должна быть такова, чтобы видно было, что читающій понимаетъ смыслъ фразы и желаетъ сдѣлать его для другихъ понятнымъ. И надобно, чтобы ученикъ самъ добрался до этого пониманія: если учитель *начнетъ* съ того, что самъ прочтетъ фразу, повтореніе ея учениками будетъ лишь подражаніемъ, и большею частію плохимъ подражаніемъ. Когда закончатся ученическіе опыты чтенія, тогда только полезно будетъ учителю прочесть предъ учениками ту же фразу, надъ которою они трудились, *по книгѣ*. Иное дѣло, если въ свободную минуту, когда предъ глазами у дѣтей нѣтъ книги,—учитель прочтетъ имъ *вз слухъ* ихъ, безъ наглядности, фразу, совсѣмъ для нихъ новую, чтобы показать имъ, какъ слухъ долженъ руководствовать чтеніемъ. Чтеніе только по книгѣ будетъ, и у иныхъ остается на всю жизнь, механическимъ, безжизненнымъ: работаетъ глазъ, а мысль не работаетъ. Необходимо, чтобы она работала и управляла чтеніемъ. Тогда и всякое удареніе тона будетъ правильное, на своемъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ оказывается, такъ сказать, *ключъ* смысла цѣлой фразы.

Нельзя похвалить обычай массоваго чтенія, когда дѣтей заставляютъ разомъ всѣхъ вмѣстѣ

произносить читаемое. Это нестройное чтение смѣшанными голосами ни къ чему не служить, ни чѣмъ не возбуждаетъ вниманіе учителя и нестройностію звука неприятно поражаетъ слухъ.

На каждой ступени школьной жизни продолжается, и еще возрастаетъ, важное значеніе *чтенія въ слухъ*. Нужно оно во-первыхъ для того, чтобы не утрачивалась, а укрѣплялась привычка къ чтенію внятному, выразительному, разумному. Человѣкъ призванъ дѣйствовать словомъ, а для этой работы, какъ для всякой другой, нужно исправное, усовершенствованное орудіе. Притомъ безспорно ясность *речи* состоитъ въ связи и съ ясностію *мысли*: одно другому соотвѣтствуетъ.

Въ школьной педагогіи недостаточно еще цѣнятся великая важность произношенія и чтенія. На каждой стадіи школьнаго развитія оно приобретаетъ новое значеніе, пока достигнетъ степени художественнаго. Въ этомъ смыслѣ чтеніе становится само по себѣ свободною школою грамматики, правописанія, пунктуаціи, и лучшимъ орудіемъ для развитія вкуса и въ литературѣ и въ письменномъ изложеніи мыслей. Осмысленное, выразительное чтеніе лучшихъ литературныхъ произведеній, особливо поэтическихъ стихотвореній, оставляетъ на цѣлую

жизнь дорогія впечатлѣнія, образующія вкусъ художественный. Разумно руководимое чтеніе— полубезсознательно, полусознательно — подготавливаетъ почву для воспринятія правилъ грамматики и стилия, которыя безъ этой подготовки являлись бы лишь мучительнымъ бременемъ для памяти. Всякое твореніе, истинно художественное, въ области слова, пишется и должно писаться помощію не мысли только и зрѣнія, но и помощію слуха: безъ участія слуха не можетъ быть въ немъ той гармоніи слова, которая удовлетворительна для вкуса истинно художественнаго.

Учитель ошибается, если думаетъ, что все дѣло его содержится въ урочныхъ часахъ преподаванія въ классѣ. Много важнѣе междуурочные и послѣурочные часы занятій съ дѣтьми: здѣсь собирается богатый матеріалъ для оживленія интереса, для возбужденія мысли и воображенія, для сообщенія понятій и свѣдѣній, здѣсь прямое средство духовнаго и душевнаго общенія учителя съ дѣтьми и залогъ сердечной и умственной привязанности дѣтей къ школѣ и къ учителю.

При самомъ началѣ дѣла, не воображай, что всего важнѣе метода обученія. Всего важнѣе—

въ самомъ началѣ—сознаніе своего долга и вѣрность ему. Въ самомъ началѣ помни: надо вставать рано, надо готовиться къ уроку, поправлять тетрадки учениковъ тщательно, не утягивать ни минуты изъ урочнаго часа.

Если хочешь, чтобы классъ твой былъ спокоенъ и внимателенъ, будь спокоенъ и внимателенъ самъ,—спокоенъ прежде всего во внѣшнихъ приемахъ. Молодой конь чуетъ неопытнаго, неувѣреннаго въ себѣ сѣдока, и начинаетъ шалить и брыкаться.

Надо тебѣ знать каждаго изъ учениковъ по имени, и по имени звать его. Плохой, равнодушный учитель безъимянно *тыкаетъ* своихъ учениковъ. Въ доброй школѣ я видѣлъ добраго учителя, какъ онъ звалъ дѣтей безъ фамиліи, по именамъ: «Ваня, Сеня, Саша».

Не забывай никогда, что у тебя въ классѣ дѣти: старайся быть *юнъ* съ ними,—и они это почувствуютъ.

Когда ученикъ читаетъ стихотвореніе, не вмѣшивайся въ чтеніе, не перерывай его объясненіемъ, кто такой Олегъ, кто Печенѣги. Пусть

дочтеть до конца—тогда можешь давать ему реальные объясненія.

Не будь рабомъ методы, когда надо задавать вопросы ученику. Когда ты его знаешь и глаза твои на него открыты, онъ самъ тебѣ подскажетъ, о чемъ спрашивать.

Если для исторіи литературы станешь руководствоваться однимъ учебникомъ, не будетъ толку. Дай ученику прочесть стихотвореніе поэта—научи его прочесть какъ слѣдуетъ—и тогда легко будетъ тебѣ объяснить, а ему понять, кто былъ писатель и что онъ значить.

Когда поправляешь тетради, будь терпѣливъ и внимателенъ: не ожидай и не требуй всего заразъ и отъ каждаго одинаково. Думай, до чего въ данную минуту можетъ быть способна голова ученика твоего: чего не поняла сегодня, можетъ понять завтра—не порти ему радость самосознанія, когда видишь, что онъ старается понять и работаетъ головою.

Не сомнѣвайся въ успѣхѣ, когда дѣлаешь дѣло свое съ мыслью, что оно не должно быть бесплодно, и работаешь съ крѣпкою волей, чтобъ ученикъ подлинно отъ тебя научился.

Приходится бороться съ лѣнью и равнодушіемъ. Но помни, что каждое внушеніе и наказаніе должно быть дѣйственно. Не затрачивай сразу всю его силу. Иногда довольно взгляда, довольно движенія. Когда это не достаточно— дѣйствуетъ слово. Но гдѣ довольно одного слова, берегись многословія.

Не раздражайся мелочами и не придавай имъ значенія. Шалунъ нарисовалъ на столѣ твою фигуру, да еще подписалъ. Что тебѣ дѣлать? Спокойно сотри ее или вели стереть сосѣду. Бѣда, если разсердишься, да еще станешь разслѣдывать. Тогда примѣръ станетъ заразителенъ.

Когда сидишь въ классѣ и видишь передъ собою 30 ребятъ, не забывай, что и ты, когда-то былъ совершенно такой же.

И тоже помни: чего требуешь отъ cadaго изъ учениковъ своихъ—и послѣдняго и перваго,—то самъ ты долженъ умѣть дѣлать. Итакъ, всякую работу, какую задаешь имъ, ты долженъ сначала умѣть продѣлать самъ какъ можно лучше. Въ этомъ *правда*, а безъ *правды*—какое учительство!

Я зналъ учителя, котораго любили и боялись—потому что вѣрили ему, и онъ былъ въ себѣ увѣренъ. Онъ не усумнился разъ сказать ученикамъ: «вотъ вы сдѣлали переводъ правильно, а я ошибся и былъ неправъ». Дѣти чувствуютъ правду.

Въ словесномъ упражненіи первое дѣло, чтобъ работа была сдѣлана со стараніемъ, какъ можно лучше, какъ только способенъ сдѣлать ученикъ. Что такое знаніе? Древніе говорили, что добродѣтель есть знаніе. Мы скажемъ, что добросовѣстность въ дѣлѣ есть знаніе. Въ чемъ главный смыслъ твоего учительства? Въ томъ, что ты ведешь учениковъ къ возможной полнотѣ работы и тѣмъ возбуждаешь въ нихъ стремленіе къ *совершенству*.

Будь естественъ: говорить надобно такъ, чтобъ ясно понимали тѣ, кому говоришь. И такъ, когда говоришь, не отъ себя исходи, не о себѣ думай, а о тѣхъ, кому говоришь. Въ нихъ жизнь движется: надобно имъ слышать живое слово.

Берегись употреблять отвлеченныя фразы, берегись нанизывать правило на правило. Дорога, вымощенная отвлеченностями да правилами, ведетъ къ оупѣнью и отводитъ отъ жизни.

Учитель пусть помнитъ, что онъ дѣлаетъ великое дѣло, которое нельзя дѣлать съ *небреженіемъ*.

Стоило бы, напримѣръ, каждому учителю записать себѣ на память: 1) Учитель, когда кланяется ему ученикъ, не оставляетъ поклонъ безъ отвѣтнаго знака. 2) Не долженъ учитель сидѣть на своемъ мѣстѣ разгильдяемъ и облокотясь руками на столъ. 3) Ни ученикъ передъ нимъ, ни онъ передъ ученикомъ не стоитъ, держа руки въ карманахъ. 4) Учитель никакъ не опаздываетъ, и послѣднимъ выходитъ изъ класса

Когда слышишь нашихъ ученыхъ педагоговъ,—они, кажется, думаютъ, что ихъ научныя правила даютъ имъ въ руки универсальное средство сдѣлать что угодно съ живымъ матеріаломъ, который дается въ руки учителю. Точно въ рукахъ у него мягкій воскъ, изъ котораго человѣкъ, обладающій техникой, можетъ лѣпить какія угодно фигуры. Къ счастью не то выходитъ на дѣлѣ, и эта техника сама по себѣ оказывается мертвящею буквой. Педагоги эти не понимаютъ, что каждый классъ изъ 20, 30, 40 дѣтей есть живое существо, живущее своею жизнью, имѣющее свою душу, и что въ эту душу учителю предстоитъ проникнуть.

Когда судять о человѣкѣ, надобно отыскивать въ немъ не одну лишь отрицательную сторону, а прежде всего положительную: мы скорѣе замѣчаемъ, чего нѣтъ въ человѣкѣ, нежели что есть въ немъ. А что есть, это всего важнѣе.

Такъ, обсуждая ученическія работы, мы гоняемся за ошибками и ихъ отмѣчаемъ. Этого мало и эта мѣрка неправая. Надо умѣть смотреть внутрь, сквозь ошибки. Кто умѣетъ, видитъ сквозь ошибки, къ чему способенъ ученикъ, что умѣетъ, что можетъ дальше въ немъ вырости. И такъ, напрасно думаетъ начальникъ, что, обзрѣвъ множество тетрадокъ, по счету отмѣченныхъ ошибокъ, получить онъ понятіе о цѣломъ классѣ и о способностяхъ каждаго ученика.

Одни наставленія и выговоры плохо дѣйствуютъ, если ученикъ не привыкъ видѣть въ учителѣ живой образъ умѣнья, старанія, добросовѣстности,—и уважать его. Когда ученикъ боится учителя въ нравственномъ смыслѣ этого слова, одинъ взглядъ, одно слово учителя будитъ ученика, стыдитъ, ободряетъ, оживляетъ, руководствуетъ.

Когда работа употребляется въ школѣ въ видѣ наказанія,—это плохой показатель: зна-

читъ, работа мало цѣнится, или сама по себѣ считается тяжкимъ и скучнымъ дѣломъ.

Есть методическіе лабиринты, въ которыхъ только опытный и разумный учитель можетъ найти себѣ входъ и выходъ, а неразумный и начинающій путается безъ исхода. Таковъ лабиринтъ прославляемаго «*объяснительнаго чтенія*». Разъигрываясь на этомъ широкомъ полѣ, фантазія учителя можетъ довести ученика до отупѣнія, прерывая мысль его въ чтеніи на каждомъ шагу и сбивая его съ толку вопросами и внушеніями. Чтеніе какой нибудь басни превращается у иного учителя въ урокъ *de omni re scibili et quibusdam aliis*: точно входитъ онъ въ лѣсъ и спотыкается на каждомъ кустикѣ и деревѣ, забывая, совсѣмъ о существенномъ предметѣ урока. Неразумные поклонники этого метода, развивая его, любятъ составлять примѣрные уроки длинныхъ объяснительныхъ чтеній; служа образцами, эти уроки вводятъ одного слѣпца за другимъ въ яму, изъ которой не найдешь выхода.

Учитель! учитель! подумай—нѣтъ науки, которую нельзя было бы обратить въ орудіе мученій для «малыхъ сихъ», состоящихъ подъ твоей

ферулою. Твое дѣло помогать имъ расти, а сколько педагоговъ, считающихъ долгомъ надѣвать на нихъ цѣпи и корсеты какъ будто для того, чтобы задерживать ростъ или исказить его!

Вотъ—казалось бы простое дѣло—правописание—а сколько таится въ немъ пытки, сколько изобрѣтенныхъ правилъ, которыя сводятъ на мертвую букву дѣло разума и логики. И какія правила—у одного одни, у другого другія. Тетради учениковъ твоихъ испачканы отмѣтками ошибокъ тамъ, гдѣ сосѣдній учитель не нашелъ ошибки. Ты приводишь ученика въ стыдъ и въ слезы за то, что онъ написалъ: маленькіе дѣти; а сосѣдъ твой—за то, что онъ написалъ: маленькія дѣти. У тебя большимъ грѣхомъ считается *искусство* съ однимъ *с*, а у сосѣда изгоняется двойное *с* изъ этого слова. Ты съ великимъ прещеніемъ уничтожаешь запятая тамъ, гдѣ сосѣдъ твой ставитъ ихъ обильно, укоряя ученика за ошибку, и гдѣ у тебя повелѣвается двоеточіе, сосѣдъ твой повелѣваетъ ставить тире или точку съ запятой. Такъ, процѣживая комаровъ, ты поглощаешь въ то же время верблюдовъ здоровой педагогіи. Знаешь ли ты, гдѣ корень и правописанія и правильной рѣчи? Этотъ корень есть—осмысленное, одушевленное чтеніе, съ первой его стадіи до послѣд-

ней. Кто привыкъ упражняться въ немъ, привыкаетъ понимать смыслъ и движеніе каждой фразы и, приобретаая вкусъ, узнаетъ самъ собою, гдѣ ставить знаки препинанія. И стоить ли мучить его на мнимыхъ кѣмъ-то узаконенныхъ тонкостяхъ правописанія, когда онъ самъ распознаетъ современемъ, на чтеніи художественной рѣчи, гдѣ что правильнымъ складомъ ея требуется.

Тѣсенъ, повидимому, и скуденъ и одинокъ кругъ дѣятельности учителя. А если ему суждено учить и дѣйствовать въ глуши, онъ становится подвижникомъ. Но благо тому, кто и на этомъ мѣстѣ не успѣлъ духъ угасить въ себѣ... сберечь свои крылья... Могій вмѣстити, да вмѣститъ.

Учитель не есть какая либо *принадлежность* школы, которая при ней предполагается: это есть самая сущность школы, и безъ учителя никакая школа не мыслима: учитель долженъ быть *созданъ* для школы. Любую канцелярію можно составить изъ охотниковъ и изъ работниковъ, но бѣда, если школа разумѣется не выше канцеляріи, бѣда, если при устройствѣ школы, также какъ и при устройствѣ канцеляріи, слышится та же рѣчь: стоить кликнуть кличъ

и учителя явятся, сколько ихъ есть ищущихъ работы и хлѣба.

Можно сказать—и нынѣ многіе какъ будто такъ думаютъ: настроимъ, надѣлаемъ школъ,—этого требуетъ просвѣщеніе. Наберемъ учителей: дадимъ имъ въ руки программы и новѣйшіе методы обученія, свяжемъ ихъ правилами инструкцій—и дѣло пойдетъ. Нѣтъ, нѣтъ, это не такъ. Пусть собираются конференціи педагоговъ и специалистовъ, пусть придумываютъ лучшіе способы обученія, пусть пишутъ и печатаютъ томы своихъ протоколовъ и мнѣній. Напрасный трудъ,—и дѣло можетъ оказаться подобіемъ Крыловскаго Квартета. Явятся учрежденія учебныя—но живой души въ нихъ не будетъ, пока не будутъ для нихъ созданы живые учителя. Скажутъ: создадимъ спеціальныя заведенія для приготовленія учителя: но вѣдь и для того, чтобы его изготовить, потребенъ на живое дѣло воспитанія живой учитель, живой руководитель. И напрасно думать, что достаточны и для этого курсы учебныхъ предметовъ, программы и инструкціи. Учитель-ремесленникъ, учитель-чиновникъ не годится для живого дѣла. Учитель долженъ быть подвижникомъ своего дѣла, полагающій душу свою въ дѣло обученія и воспитанія...

Учителей готовятъ обыкновенно въ спеціаль-ныхъ учительскихъ школахъ, заботясь о сообще-ніи имъ знаній всякаго рода по установленнымъ программамъ, и въ особенности научныхъ зна-ній въ области педагогіи. Но и при помощи наукъ и курсовъ не выработается нужный для дѣла учитель, если не прошелъ онъ чрезъ *лабораторію* дѣйствительнаго учительства въ *начальной школѣ*, гдѣ приобрѣтается *искусство* учить, не посредствомъ книжныхъ лекцій, но обра-щеніемъ съ живыми дѣтьми, притомъ не съ тѣми или другими дѣтьми, но съ цѣлою орга-низованною массою дѣтей. Поэтому едва ли годится учить какъ слѣдуетъ и въ средней школѣ учитель, не прошедшій искуса въ школѣ начальной, гдѣ надобно подлинно *учить* дѣтей. Если онъ въ курсѣ приготовленія къ учитель-ству привыкъ только *приобрѣтатъ* знанія, но не умѣетъ *сообщатъ* ихъ, то и средняя школа немного приобрѣтетъ въ немъ.

Стоитъ пересмотрѣть списки существующихъ учебныхъ заведеній всѣхъ степеней—и ужасно становится представить, какая масса учителей всюду требуется. Но учитель, принадлежащій заведенію, сросшійся съ нимъ и живущій въ немъ его жизнью—есть поистинѣ *ga ga avis* въ

наше время. Кое гдѣ еще можно сыскать стараго учителя педагога, издавна сидящаго на своемъ мѣстѣ,—да еще гдѣ-нибудь въ глухой деревнѣ отыскать старика учителя, въ голодѣ и холодѣ изъ любви къ дѣтямъ посвящающаго всю свою жизнь уходу за ними: такіе труженики, вмѣстѣ со старыми дьячками, составляютъ нынѣ рѣдкость—это люди почтенные, на которыхъ, когда встрѣтишься съ ними, любоваться надо.

Но въ городѣ, тѣмъ болѣе въ большомъ городѣ, учитель представляется какимъ-то наемникомъ учебнаго труда, изнывающимъ въ тоскѣ своего званія, и учительство принимаетъ видъ ремесла. Въ непрестанной заботѣ о хлѣбѣ настоящемъ для себя и для семьи своей,—безъ интереса, безъ одушевленія несетъ онъ поденный трудъ, перебѣгая или переѣзжая изъ одного учебнаго заведенія въ другое на уроки, и всюду является усталый, раздраженный, утягивая нерѣдко минуты и четверти часа изъ каждаго урока, и не посвящая труда своего ни одной изъ школъ, въ коихъ учительствуетъ. Какъ ему знать учениковъ своихъ, какъ слѣдить за ихъ способностью и развитіемъ? Остается ему только давать урокъ, предлагать вопросы и на отвѣты ставить безличныя цифры отмѣтокъ. Рѣдко

можно встрѣтить учителя довольнаго трудомъ своимъ, мѣстомъ и положеніемъ—онъ поглощенъ заботою объ улучшеніи своего быта и высматриваніемъ—гдѣ бы лучше устроиться на другомъ мѣстѣ.

Можно завести сколько угодно учительскихъ школъ и институтовъ, израсходовать на нихъ большія суммы, снабдить ихъ всѣми усовершенствованными пособіями, наполнить ихъ преподавателями, стоящими на высотѣ науки,—и все-таки не получить желаемаго, настоящаго, одушевленнаго и прочнаго учителя. Отъ чего? отъ того, что идея ученія и воспитанія неглубокая и неодушевленная; отъ того, что на умѣ учениковъ одна главная цѣль—въ дѣлѣ, къ которому готовятся,—получить *средство* для жизни, содержанія себя.—Отъ того у нихъ въ этомъ дѣлѣ лѣвая рука всегда будетъ знать, что дѣлаетъ правая; отъ того на призваніе свое и свое дѣло смотрятъ они, какъ на временную стадію къ лучшему устройству своего быта.

Съ громаднымъ развитіемъ промышленности, съ расширеніемъ рынковъ, съ умноженіемъ центровъ производства, привлекающихъ массу работниковъ къ машинѣ, къ труду механиче-

скому, умножаются предметы производства и потребления, рождаются и плодятся новые потребности, собираются и распределяются новые капиталы, но—вмѣстѣ съ тѣмъ истощаются и разлагаются силы души народной, гложутъ живые источники одушевленія. Неестественно раздувается городъ, привлекая къ себѣ массу сельскаго населенія, растеть то въ празднои безработицѣ, то въ Египетской работѣ изнывающая толпа людей, стремящихся невѣдомо куда, недовольныхъ, раздраженныхъ, бездомныхъ, живущихъ день за день безъ горизонтовъ, безъ надеждъ, безъ сознанія...

Нѣчто подобное угрожаетъ школѣ, когда она перестаетъ быть мастерскою воспитательнаго труда и вступаетъ въ область механическаго производства, гдѣ происходитъ вѣчная работа у машины, гдѣ некогда душѣ человѣческой отдохнуть, опознаться и опомниться. И школа можетъ уподобиться заводу, дѣйствующему паромъ или электричествомъ, бездушной машинѣ, выбрасывающей отъ времени до времени наскоро изготовленныхъ кандидатовъ— для экзамена и патента.

Въ нашъ вѣкъ всеобщаго наводненія книгами разумному человѣку, желающему дѣйстви-

тельного дѣла въ своей жизни, приходится искать разумнаго выхода изъ множества книгъ. Книги, слова, рѣчи—не столько качествомъ, сколько количествомъ, оказываютъ нерѣдко слишкомъ сильное дѣйствіе на всю нашу жизнь, на образъ мыслей нашихъ, на направленіе воли, на образованіе характера. Читать книгу на мѣстѣ сидя мѣшаетъ видѣть жизнь въ ея дѣйствіи, знать людей и дѣла людскія. Неумѣренное питаніе разстраиваетъ организмъ: подобно тому и неумѣренное пользованіе печатнымъ словомъ разстраиваетъ мысль, къ серьезному дѣлу направленную.

Эта опасность особенно ощутительна въ дѣлѣ воспитанія. Въ этомъ дѣлѣ жизни первую потребностью служить не какая либо новая теорія или умная книга, а дѣйствительная лабораторія педагогики. Одинъ день въ этой лабораторіи можетъ дать внимательному уму и воспріимчивому сердцу болѣе, чѣмъ дюжина прочитанныхъ книгъ о педагогіи: тутъ мы подлинно учимся наблюдать дѣйствительные факты и живыхъ людей, не питаюсь только словесными описаніями того и другого. Жизненные элементы воспитательнаго дѣла ускользаютъ отъ описанія и доступны лишь непосредственному ощущенію.

Не мало есть высшихъ учебныхъ заведеній, откуда выходятъ люди на дѣло учительское и на проповѣдь. Въ заботѣ о высшихъ курсахъ, о трудныхъ экзаменахъ, объ ученыхъ диссертацияхъ, они считаютъ ниже своего достоинства—учиться, какъ учить дѣтей. И если бы кто попробовалъ предложить имъ это средство, они отвергли бы его съ негодованіемъ. Напрасно. Пропустивъ время воспитать въ себѣ *душу* учительства, многіе уже не наживутъ ее и останутся при одномъ *ремеслѣ* учительства. Дѣти могли бы во время научить ихъ искусству ясной, простой, одушевленной рѣчи, понятной и сочувственной тому, къ кому она обращается.— Дѣти могли бы отучить ихъ отъ привычки многословной рѣчи, напичканной звонкими фразами, искусственными выраженіями и ложнымъ паеосомъ, служащимъ одною лишь маскою одушевленія. X

Могутъ сказать: мало намъ идеальныхъ требованій—намъ нужно сейчасъ наилучшее школьное учрежденіе—надо распространять просвѣщеніе въ народѣ, и ждать некогда.

Но въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія и воспитанія мудрость велитъ не спѣшить, но стремиться послѣдовательно и неуклонно къ дости-

женію идеала, приближаясь по мѣрѣ возможности къ его осуществленію. Одно лишь необходимо, чтобъ *идеалъ* былъ истинный, вѣрный, а не мнимый, фантастическій и колеблющійся вѣтрами случайныхъ направленій. Что пользы въ томъ, что школь настроимъ всюду множество, а учителя мы не воспитали, или строимъ школы свои на ложномъ идеалѣ и въ разладъ съ дѣйствительными потребностями жизни и съ непреодолимыми условіями мѣста и времени.

Кто хочетъ разомъ получить готовую схему школьнаго устройства и школьнаго образованія и разомъ привести ее въ исполненіе, разомъ поставить всюду массу школь и полки учителей, — тѣ пусть идутъ на рынокъ педагогіи къ продающимъ и покупающимъ готовые *рецепты* и *программы* знанія, пусть слушаютъ рѣчи собранныхъ въ засѣданіе спеціалистовъ и читаютъ пространные протоколы ихъ засѣданій, пусть избираютъ рекомендованныя системы разсадки и организаціи школьныхъ правителей и дѣятелей.

Не часто встрѣтишь учителя, который, зная учениковъ своихъ, умѣлъ бы назначать каждому, по степени способностей его и развитія, темы для такъ называемыхъ «сочиненій»? Кому

приходилось пересматривать длинные списки темъ, назначаемыхъ для сочиненій,—тому остается только удивляться скудости педагогическаго разсужденія въ этомъ немаловажномъ дѣлѣ. Подъ словомъ «сочиненіе» разумѣется обыкновенно какое-то самостоятельное изложеніе мыслей самого ученика о предметѣ, о которомъ ученикъ не въ силахъ разсудить самъ, а понуждается лишь разыскивать и повторять или перифразировать чужія мысли и чужія фразы. Отсюда съ одной стороны очевидная бесплодность такихъ упражненій, съ другой стороны совершенное извращеніе оцѣнки этихъ упражненій со стороны учителя, сбивающее ученика съ толку. Ученикъ, наполнившій свою работу наборомъ фразъ и высокихъ мыслей отовсюду надерганныхъ, получаетъ похвалу за свою работу и можетъ вообразить себя художникомъ слова и мысли; а другой, потрудившійся добросовѣстно изложить то, что ему извѣстно о предметѣ темы, получаетъ выговоръ за то, что трудъ его не самостоятеленъ.

Письменная работа должна служить опытомъ мышленія и *изложенія*, и въ этомъ смыслѣ служить необходимымъ показателемъ умственнаго развитія ученика; но требовать въ ней самостоятельнаго мышленія значитъ лишь пор-

тить дѣло. Сочиненіе должно быть ни болѣе ни менѣе какъ отчетливымъ изложеніемъ доступныхъ ученику фактовъ и понятій. Для этого долженъ быть указанъ ему матеріаль, изъ котораго онъ можетъ почерпать эти факты и понятія. Итакъ, въ начальной школѣ тема должна быть проста, въ соотвѣтствіи съ доступными ребенку ощущеніями и съ впечатлѣніями несложнаго чтенія. Въ дальнѣйшемъ ходѣ ученія усложняется и свойство и количество матеріала, но сущность работы остается та же самая. Изучить указанные факты, привести ихъ въ сознаніе, соединить въ ясности и изложить такъ, чтобы понятно было и писавшему и читающему— вотъ достоинство работы, къ которому она должна быть направлена; и если каждая такая задача исполнена будетъ добросовѣстно, то ученикъ съ каждымъ разомъ будетъ входить въ силу и чувствовать себя свободнѣе въ умственной работѣ, приобрѣтая навыкъ къ точности изложенія и къ художеству въ его отдѣлкѣ.— Такъ воспитывается въ немъ *умѣнье* выражать мысли и понятія, а гдѣ есть умѣнье, тамъ растетъ интересъ и рано или поздно приходитъ само собою *знаніе*.

Ты преподаешь дѣтямъ Законъ Божій... Больше всего берегись дѣлать изъ Евангелія учебную книгу: это грѣхъ. Это значитъ—въ *ребенка* обезцѣнивать для *человѣка* книгу, которая должна быть для него сокровищемъ и руководствомъ цѣлой жизни. *Страшно* должно быть для совѣсти разбивать слово жизни на бездушные кусочки и дѣлать изъ нихъ мучительные вопросы для дѣтей. Приступать съ рѣчами о Евангельскихъ словахъ къ дѣтямъ и вызывать у нихъ отвѣты—для этого потребна душа, чуткая къ ощущеніямъ дѣтской души,—но когда приступаютъ къ дѣлу съ одной механикою программныхъ вопросовъ, и ставятъ цифирныя отмѣтки за отвѣтъ на вопросы, иногда неловкіе и непонятые ребенкомъ,—вызывая волненіе и слезы,—грѣхъ принимаютъ себѣ на душу экзаменаторы—и можно сказать объ нихъ: не вѣдаютъ, что творятъ—съ душою ребенка.

Есть какое-то лицемѣрное обольщеніе въ школьномъ дѣлѣ, когда Законъ Божій и соединенное съ нимъ внушеніе началъ нравственности составляетъ лишь одинъ изъ *предметовъ* учебной программы. Какъ будто нечего больше желать и требовать для нравственной цѣли,—какъ имѣть наличность той или другой цифровой

отмѣтки за отвѣты въ предметѣ, называемомъ Закономъ Божиимъ. Есть въ школѣ законоучитель, есть программа, есть баллъ, показатель *знанія*—е *sempre bene*. Результаты такой постановки ученія—поистинѣ чудовищныя. Я видалъ учебники, въ коихъ по пунктамъ означено, что требуется для спасенія души человѣка—и экзаменаторъ сбавляетъ цифру балла тому, кто не можетъ припомнить всѣхъ пунктовъ... Гдѣ тутъ разумъ? Гдѣ нравственность? Гдѣ наконецъ—и прежде всего—*вѣра*, о коей мы лицомъ рно заботимся?

Если же мы хотимъ правды въ этомъ великомъ дѣлѣ, то не станемъ отъ нея прятаться. И вѣра и нравственность—не равны съ прочими предметы обученія: одни уроки и наставленія для этого недостаточны. И вѣра и нравственность воспитываются въ душѣ цѣльнымъ воздѣйствіемъ (домашней и говоря о школѣ) школьной жизни. Лишь бы эта школьная жизнь не была раздвоена на двѣ отдѣльныя части—религіознаго и свѣтскаго обученія, но составляла въ гармоніи частей одно органическое цѣлое. Семья должна посвятить и воспитать въ душѣ чувство благоговѣнія и вѣры: школа должна не только поддержать это чувство, но и освѣтить въ душѣ *идею*, безъ которой одно чувство

смутно и неустойчиво. Школа должна поставить это чувство и эту идею въ нравственную связь съ жизнію—воздѣйствовать на ребенка своею нравственною обстановкой. Когда ученики связаны съ учителемъ взаимнымъ сочувственнымъ искреннимъ отношеніемъ, тогда возрастаетъ и воспитывается въ дѣтяхъ живое нравственное сознание правды ученія Христова, одухотворяющаго любовію животную природу человѣческую.

Вѣра должна быть живая и дѣйственная, слѣдовательно, должна быть нераздѣльна съ церковью. Школа, поколику она народная, должна отражать въ себѣ душу народную и вѣру народную—тогда только будетъ она любима народу. Итакъ, школа—прямое мѣсто при церкви и въ тѣсной связи съ церковью. Она должна быть проникнута *церковностью* въ лучшемъ, духовномъ смыслѣ этого слова. Одухотворяясь ею, она сама должна одухотворять ее, для души народной. Отсюда—непремѣнное участіе школы въ дѣйствѣ церковнаго Богослуженія—въ чтеніи и пѣніи. Кто испыталъ и видѣлъ, тотъ знаетъ, какое это могучее духотворное, воспитательное орудіе и для школы и для души народной, въ которую вносить просвѣтлѣніе религіознаго сознанія и чувства. Разумное, осмысленное чтеніе въ церкви вводитъ ученика въ

глубокій смыслъ, въ красоту и выразительность церковно-славянскаго языка, укрѣпляя въ умѣ и воображеніи корень разумной, стройной и выразительной русской рѣчи. Пѣніе, нераздѣльное съ словомъ, исполненнымъ силы и красоты, проникая въ русскую душу, богато одаренную поэзіей пѣсни,—воспитываетъ въ ней, вмѣстѣ съ гармоніей сроднаго ей звука, и гармонію чувства.

Погибло всякое воспитательное значеніе школы тамъ, гдѣ она служитъ орудіемъ политическихъ или соціальныхъ партій. Тогда она перестаетъ удовлетворять потребностямъ *души* народной, служа лишь искусственнымъ потребностямъ партій или соціальнаго ученія, возобладавшаго въ правительствѣ, является для народа насиліемъ и становится ему ненавистна. Отдѣлившись отъ народной души, школа теряетъ подъ собою почву и развращается. Въ народной душѣ таятся инстинкты добра, правды, порядка, здраваго смысла, благоговѣнія. Когда школа отвѣчаетъ этимъ инстинктамъ, возбуждая ихъ, одухотворяя и утверждая въ добрыхъ навыкахъ, народъ понимаетъ школу и любитъ ее—школа срастается съ народомъ и народъ со школою.

Хорошо, когда въ школѣ *свѣтло и весело*— подлинно хорошая эта школа. Увы! бѣдность наша, нищета наша заставляетъ насъ ютиться въ темныхъ, тѣсныхъ помѣщеніяхъ— иногда совсѣмъ безъ свѣту. Но плохой учитель, когда у него въ школѣ не весело, когда дѣти не бѣгутъ туда съ радостью, не рвутся туда въ каждую свободную минуту. Гдѣ есть только возможность, украшайте вашу школу, изгоняйте изъ нея грязь и пыль и мрачные, наводящіе тоску, цвѣта. Пусть она будетъ любимымъ мѣстомъ общежитія—если оно темно, школа освѣтитъ его, если оскудѣло духовнымъ интересомъ, школа привѣтъ къ нему мысль и чувство, если загрубѣло и зачерствѣло, школадохнетъ на него любовью.

Изъ учителя можетъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, выродиться начальникъ заведенія. Вотъ когда,—если сила его еще не истощилась, вотъ когда потребны ему всѣ усилія—не угашать въ себѣ духа.

Начальникъ заведенія долженъ весь принадлежать ему, жить въ заведеніи одною съ нимъ жизнью. Ученье начинается въ 8 часовъ. Въ 7 или въ 6 встаетъ школа—тогда же встаетъ

и начальникъ. Стыдно тому, кто лежитъ еще въ постели, когда ожила его школа.

Отъ него требуется энергія. Что значить энергія? Иные разумѣютъ подъ этимъ словомъ рѣшительный тонъ, рѣзкіе начальственные приемы; другіе—строгость въ поддержаніи внѣшнихъ порядковъ и внѣшнихъ правилъ поведения. Энергія означаетъ—не одно упорство воли, но постоянное дѣйствіе воли въ томъ же духѣ и направленіи.—Тутъ уже мало добросовѣстной аккуратности въ одной работѣ, порученной учителю. Мало, ибо начальникъ долженъ *править*.

Править значить прежде всего: всегда быть на мѣстѣ, и не полагаясь на силу приказаній, дѣйствовать примѣромъ, быть первымъ работникомъ. Онъ первый—не надъ подчиненными во власти сущими, но первый—между коллегами-учителями, и долженъ стоять не надъ ними, а посреди ихъ, сохранять и поддерживать ихъ интересъ въ ученіи и наукѣ, оживляя его своимъ интересомъ.

Далѣе. Что значить править? Значить—умѣть отличать существенное отъ несущественнаго, главное отъ мелочнаго—отыскивать въ дѣлѣ *возможное*, ощущать добро и разумъ въ каждомъ человѣкѣ.

Иной править на восточный манеръ—предписаніями, циркулярами, протоколами, конференціями, реформами, инструкціями, программами,—а самъ сидитъ въ своемъ кабинетѣ, пока ему доложить и его вызовутъ. Иной думаетъ, что для сохраненія власти и уваженія слѣдуетъ, подобно Персидскому Шаху, рѣдко показываться въ люди. Плохой расчетъ.

Однако разумный начальникъ знаетъ, что во многоглаголаніи, равно какъ и во многописаніи нѣтъ спасенія, и что можно безъ конференціи и безъ протокола серьезно разсуждать о серьезномъ вопросѣ.

Начальнику школы необходимо, чтобы самъ онъ былъ знающимъ и опытнымъ учителемъ, чтобъ имѣлъ призваніе къ учительству, и былъ человѣкъ не только умный, но и одушевленный, притомъ не карьеристъ, высматривающій почестей и возвышенія по службѣ.—Ничто человѣческое ему не чуждо; онъ любитъ юношество, доброжелателенъ къ своимъ коллегамъ и заботливъ объ нихъ въ нуждѣ. Самъ, будучи первымъ работникомъ, всѣхъ одушевляетъ въ работѣ. Въ отношеніи къ своимъ коллегамъ естественъ, и умѣетъ, когда нужно, оговаривать ихъ и дѣлать имъ внушенія безъ рѣзкихъ словъ и начальствен-

наго тона. Онъ твердъ во всемъ томъ, что требуется правдою и чувствомъ долга, безъ поблажекъ и уступокъ, но къ каждому относится сообразуясь съ природой и характеромъ каждаго. Вотъ идеальныя черты начальника.

Великое дѣло—одушевленіе въ дѣлѣ воспитанія и обращенія съ людьми. Но и оно должно быть естественное и не переходить въ *навоозъ*. Благо тѣмъ, у кого при одушевленіи есть въ характерѣ *юморъ*. Это истинная *соль* всякаго одушевленія, и великая сила, устраняющая *сухость* и формализмъ въ отношеніи къ дѣлу и къ людямъ.

Во всякомъ званіи человѣкъ долженъ смотрѣть за собой, чтобы *духа не угасить* въ себѣ. Обычное дѣло рукъ человѣческихъ, день за днемъ, можетъ подавить человѣка и овладѣть имъ, если самъ онъ духовно имъ не овладѣетъ. Эта опасность угрожаетъ въ особенности учительскому званію. Учитель, закоснѣвъ на своемъ предметѣ, и на однообразныхъ классныхъ упражненіяхъ, можетъ замереть духомъ въ учебномъ обычаѣ. Такъ, оставаясь исправнымъ во внѣшности, можетъ мало по малу утратить способность жить одною жизнью съ своимъ классомъ и духовно возбуждать его.

«Буква убиваетъ, духъ животворитъ». Но служителей буквы, къ несчастью, несравненно болѣе, нежели служителей духа. И первымъ приходится иногда господствовать надъ послѣдними: въ такомъ случаѣ они являются нерѣдко гасителями духа.

Берегись этого, когда судьба поставляетъ тебя надзирателемъ или наблюдателемъ надъ школами. Необходимо различать существенное отъ несущественнаго, а одушевленіе, ревность, любовь, чувство долга—самое существенное въ школьномъ дѣлѣ. И потому, когда видишь учителя, который всю душу свою отдаетъ обученію и воспитанію дѣтей, которыя льнутъ къ нему и его слушаютъ,—берегись приступать къ нему съ властнымъ начальственнымъ видомъ и не смущай его требованіями бумажнаго и программнаго формализма. Школа не канцелярія,—и если возобладаетъ въ ней канцелярія,—школа пропала. Что пользы въ буквальномъ соблюденіи формы вопросовъ и отвѣтовъ по учебнику и программѣ,—когда учитель подобно машинѣ дѣйствуетъ въ школѣ. Буквальные отвѣты не означаютъ еще знанія,—и тѣмъ еще менѣе пониманія, умѣнья, способности возрастать и совершенствоваться.

Ты поставленъ наблюдателемъ. Горе тебѣ, если прїѣзжая въ школу, считаешь ты главнымъ или единственнымъ долгомъ своего званія обозрѣть тетради, отмѣтки и вѣдомости,—и затѣмъ ѣхать далѣе. Ищи повсюду учителя—его смотри, съ нимъ бесѣдуй по человѣчески: вѣдь, онъ главное орудіе школы. Если онъ колеблется, твое дѣло поддержать его. Если сомнѣвается, научи его. Если онъ приложилъ сердце свое къ дѣлу и живетъ, истощаясь ревностью, въ дѣтяхъ, берегись смущать его. Если живетъ онъ въ нуждѣ, въ голодѣ и въ холодѣ,—не проходи мимо него равнодушно—Богу дашь отвѣтъ, если не позаботишься ободрить человѣка въ его терпѣніи. И слово бываетъ дороже дѣла, но и для дѣла на пользу человѣка можешь просить, убѣждать, настаивать, если хочешь не съ небреженіемъ дѣлать дѣло своего званія.

Случается слышать о *варварствѣ* нѣкоторыхъ формъ новѣйшей культуры. Не мудрено отнести къ этому разряду, въ области педагогii, наши *экзамены*. Жестокая и бездушная форма ихъ образовалась и развилась нераздѣльно съ новѣйшимъ вырожденіемъ нашей школы, во всѣхъ ея степеняхъ. Повсюду слышались крики: свѣта, свѣта! то-есть ученья, школь,

учебныхъ заведеній! И школы стали расти повсюду, какъ грибы, и массами стали толкаться въ двери школы желающіе учиться—то-есть пройти курсъ ученія и найти себѣ исходъ на дорогу жизни. Школьные палаты и аудиторіи стали тѣсны для множества устремившагося туда юношества. Потребность въ учителяхъ и профессорахъ стала возрастать въ громаднхъ размѣрахъ—и работа преподавателей усилилась до крайности. Преподавателю стало крайне трудно, или вовсе невозможно слѣдить за результатами своего труда въ массѣ учениковъ или слушателей—и почти единственнымъ способомъ разобратъ сколько нибудь въ этой массѣ, при концѣ курса или обученія—служить экзаменъ. Въ этихъ условіяхъ дѣла экзаменъ и для экзаменатора и для экзаменующихся есть краткое время крайняго ^{effort}напряженія умственныхъ силъ, приводящаго и тѣхъ и другихъ нерѣдко въ состояніе нервнаго раздраженія.—Экзаменъ означаетъ *испытаніе*. Испытаніе въ истинномъ педагогическомъ смыслѣ предполагаетъ личное отношеніе къ тому, кого испытываютъ, требуетъ спокойнаго отношенія къ дѣлу, разума, терпѣнія и времени. А времени очень мало, для испытанія цѣлой массы, по одиночкѣ,—для спокойствія же и терпѣнія—условія самыя небла-

гопріятныя. Остается примѣнять къ испытанію механическую формулу вопросовъ, взятыхъ или выдергиваемыхъ изъ программы каждаго предмета. Это признается кратчайшимъ способомъ повѣрки *знаній*, вынесенныхъ ученикомъ изъ годичнаго курса. Этой повѣркѣ подвергается масса; экзаменатору нѣтъ дѣла до личности ученика. Самъ, приведенный въ нервное состояніе механическою работой, онъ выдерживаетъ вопросы, на которые долженъ отвѣчать ученикъ. А ставить вопросы—дѣло искусства, нераздѣльнаго съ наблюденіемъ за тѣмъ, кому вопросы предлагаются: для такого наблюденія большею частью нѣтъ ни способности, ни времени. Выходитъ нѣчто подобное прикидыванію мѣрки роста на рекрута. Въ пять минутъ можно справиться съ каждымъ, предложивъ ему нѣсколько вопросовъ: если молчитъ, или неладно отвѣтитъ, или не припомнитъ названіе царя, города, рѣки или цифру года, стало быть не годится—разсуждать нечего. Такого рода мѣрка оказывается особливо жестокою при экзаменахъ приѣмныхъ. И здѣсь требуется такъ называемое знаніе, то есть запоминаніе отвѣтовъ, именъ, формулъ и чиселъ,—тогда какъ самое нужное и существенное—распознать, что есть въ мальчикѣ, что онъ понимаетъ, на что онъ способенъ,—всмотрѣться въ его взглядъ

и манеру, вслушиваться въ рѣчь его. На все это—увы! недостаетъ времени, умѣнья и терпѣнія.

Значить ли это, что экзамены вовсе не нужны? Нѣтъ,—они нужны, они полезны, они могутъ возбуждать школу и оживлять учебное дѣло, но лишь въ томъ случаѣ, когда сама школа *живетъ*, а не является только неодушевленнымъ механизмомъ программнаго обученія. Когда учитель знаетъ своихъ учениковъ, различая ихъ поименно, то-есть по способности и свойству cadaго,—когда ученье въ школѣ не томить учениковъ, но привлекаетъ ихъ живымъ интересомъ и желаніемъ понимать и думать,—тогда экзаменъ пріобрѣтаетъ и для учителя и для ученика живой интересъ и получаетъ видъ праздника, вѣнчающаго учебное лѣто. Учителю—интересъ видѣть живой плодъ трудовъ своихъ и стараній, приложенныхъ къ воздѣйствію на умъ и на душу учениковъ; и ученику—интересъ сознательно выразить въ живомъ отраженіи, что онъ воспринялъ и понялъ въ урокахъ цѣлаго года. Когда онъ готовится къ экзамену, въ умѣ у него происходитъ художественная работа—какъ собрать, сопоставить и лучше выразить то, что ему предложено будетъ высказать на экзаменѣ. И учитель думаетъ, о чемъ ему спро-

силь мальчика,—не выдергивая только отрывочные вопросы изъ программы, не разыскивая по одной памяти ученика имена, цифры и формулы; думаетъ, какъ составить изъ учениковъ отдѣльныя группы, по которымъ будетъ онъ проводить свое испытаніе.—Въ этомъ видѣ экзаменъ перестанетъ быть мучительною инквизиціей мнимыхъ знаній, но получить разумное значеніе.

ВОСПИТАНІЕ ХАРАКТЕРА ВЪ ШКОЛѢ.

Воспитаніе характера въ школѣ.

(Barnett. Common sense in education and teaching. London. 1899).

Отдѣлять ученье или науку отъ воспитанія—пагубный предразсудокъ, въ который нынѣ впадаютъ многіе, особливо люди мечтающіе приготовить посредствомъ школы гражданина и совершить это посредствомъ науки. Самое ученье—какія бы ни были программы его—не достигаетъ своей цѣли, если въ немъ умственное образованіе не сливается съ нравственнымъ. Только тотъ умѣетъ учить, у кого въ мысли и то и другое нераздѣльно. Хорошо учить—значитъ помогать образованію добрыхъ навыковъ и затруднять образованіе дурныхъ навыковъ, а эти навыки—нераздѣльно и умственные и нравственные: одно безъ другого немыслимо. Напрасно предполагаютъ иные, что знаніе дается посредствомъ сообщенія и усвое-

нія фактовъ: это необходимо, но одно это еще недостаточно для приобрѣтенія знанія. Знаніе должно имѣть *цѣльность*, и въ этомъ смыслѣ оно одинаково потребно для *всѣхъ*, хотя усовершеніе его зависитъ въ особенности отъ свойствъ и потребностей каждаго.

Воспитательное образованіе человѣка не имѣетъ предѣла: нѣтъ и не бывало человѣка, доросшаго до совершенства, и всѣ достигнутые человѣкомъ успѣхи служатъ лишь показателемъ того, чѣмъ онъ *можетъ* стать. Идеаль совершенства, какой ставить передъ нами религія, недостижимъ: мы можемъ только стремиться къ нему послѣдовательнымъ ростомъ отъ силы въ силу,—таковъ законъ бытія и существа нашего.

Этимъ опредѣляется задача воспитателя. Онъ долженъ сообщать своему питомцу побужденія, открывающія ему возможность безграничнаго усовершенія, сообщать способность и силу идти впередъ, независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и отъ матеріальной поддержки. Но доводя своего питомца до этой цѣли путемъ внимательной дисциплины, онъ долженъ соразмѣрять его силу, дабы не налагать на него прежде времени такія бремена, которыхъ онъ еще не въ состояніи понести.

меняется работой—въ надеждѣ на то, что приобретаемыя этимъ путемъ «знанія» сами собою усвоятся уму бессознательнымъ умственнымъ процессомъ. Съ другой стороны, постоянное обращеніе къ ощущенію ослабляетъ дѣятельность вниманія и не оставляетъ мѣста размышленію: отсюда, въ образованіи характера происходитъ обычная въ наше время у многихъ склонность къ легкомыслію и въ дѣйствіяхъ, и въ рѣчахъ человѣка.

Каковы бы ни были природныя свойства воспитанника и свойства семейной и общественной среды, изъ которой онъ вышелъ,—долгъ воспитателя возбудить въ немъ самодѣятельную жизненную силу и утвердить въ немъ сознаніе, что онъ можетъ и долженъ самъ содѣйствовать своему духовному росту во всякое время,—и теперь, и тогда, когда не будетъ около него учителей и воспитателей. Для этого необходимо прежде всего сообщить и привить ему добрые навыки и способность умножать ихъ впоследствии. Привычка дѣлать въ свое время все, что требуется добрымъ побужденіемъ, образуетъ мало по малу такую дисциплину побужденій и поступковъ, что правое дѣло становится проще и естественнѣе неправого.

^{habits} Первое условіе для воспитанія добрыхъ ^{habits}навыковъ есть порядокъ—порядокъ ^{habits}каждаго въ отдѣльности и ^{habits}каждаго класса. Сознательно установленный порядокъ долженъ быть таковъ, чтобы при немъ облегчалось ^{habits}пріобрѣтеніе добрыхъ ^{habits}навыковъ и затруднялось ^{habits}пріобрѣтеніе дурныхъ ^{habits}навыковъ—въ этомъ и смыслъ дисциплины.

Великое дѣло ^{habits}навыкъ: въ немъ существенная ^{habits}соблюдательная (консервативная) ^{habits}сила для природы ^{habits}человѣческой и для ^{habits}человѣческаго общества. ^{habits}Однаго ^{habits}инстинкта ^{habits}мало для ^{habits}предохранительной ^{habits}цѣли: ^{habits}инстинктъ ^{habits}есть ^{habits}слѣпое, ^{habits}безсознательное ^{habits}побужденіе, ^{habits}вызываемое ^{habits}потребностью ^{habits}физической ^{habits}природы, и ^{habits}дѣйствіе ^{habits}его ^{habits}минутное. ^{habits}Но ^{habits}навыкъ,—хотя ^{habits}и ^{habits}получаетъ ^{habits}напослѣдокъ ^{habits}свойство ^{habits}автоматическое—въ ^{habits}самомъ ^{habits}началѣ ^{habits}своёмъ ^{habits}держится ^{habits}по ^{habits}сознанію ^{habits}и ^{habits}требуетъ ^{habits}усилія ^{habits}воли.

Добрые ^{habits}навыки ^{habits}утверждаются ^{habits}практикою,— а ^{habits}дурные ^{habits}искореняются ^{habits}сокращеніемъ ^{habits}случайныхъ ^{habits}къ ^{habits}нимъ ^{habits}поводовъ: ^{habits}итакъ, ^{habits}дѣло ^{habits}воспитателя ^{habits}умножать ^{habits}поводы ^{habits}къ ^{habits}доброму ^{habits}навыку, ^{habits}возбуждая ^{habits}его ^{habits}и ^{habits}поощряя; ^{habits}для ^{habits}воспитанія ^{habits}добраго ^{habits}навыка ^{habits}требуются ^{habits}чистая ^{habits}атмосфера ^{habits}и ^{habits}доброе ^{habits}питаніе—чтобы ^{habits}навыкомъ ^{habits}пріучалась ^{habits}и ^{habits}утверждалась ^{habits}воля, ^{habits}къ ^{habits}добру ^{habits}направленная.

Если взглянуть въ корень и порока и добродѣтели, окажется, что и добродѣтель, и порокъ—тоже навыки, мало по малу приобретающіе жизненную и творческую силу.

Какъ же долженъ дѣйствовать учитель?

Надобно ему прежде всего помнить, что навыки возникаютъ на почвѣ физическихъ, матеріальныхъ отношеній. Необходимо, чтобы въ нервахъ ученика произошло соответственное измѣненіе. Что съ перваго раза дается съ трудомъ, становится нетрудно въ другой разъ и въ третій, и потому не слѣдуетъ смущаться учителю, когда не удаются ему въ началѣ всѣ усилія съ ученикомъ или даже съ цѣлымъ классомъ—только нельзя ему забывать о физической обстановкѣ, посреди коей навыкъ долженъ утвердиться. Для того, чтобы приучить учениковъ къ чистотѣ и опрятности, необходимо обставить ихъ опрятно и свѣтло; развѣ можно достигнуть этого въ грязной, не вычищенной, безъ порядка заваленной классной комнатѣ? Такъ, посредствомъ видимой обстановки учитель устраиваетъ въ школѣ атмосферу, благоприятную для дисциплины, для того, чтобы каждому стало легко вступить въ нее.

Сначала надобно утвердить порядокъ въ малостяхъ, приучить учениковъ, чтобы они въ

малостяхъ умѣли управлять собою, то есть держать дисциплину. Тогда уже, когда они приобрѣли этотъ навыкъ, учитель можетъ положить на свободу ихъ во многомъ; тогда уже, на примѣръ, давъ задачу цѣлому классу, онъ оставляетъ его въ увѣренности, что каждый справится съ нею самостоятельно. Но и тутъ—главное, за чѣмъ надо слѣдить, и чѣмъ надобно пользоваться,—это стремленіе ученика къ самодѣятельности. Сознаніе своей силы, чувство удовлетворенія тѣмъ, что самъ сдѣлалъ, до чего самъ достигъ—это самое сильное воспитательное средство: это сознаніе побуждаетъ идти впередъ, совершенствоваться. Всякое новое умственное усиліе болѣе или менѣе тягостно, и въ школьной жизни ученикъ часто встрѣчается съ трудною, непріятною работою,—для которой требуется усиліе воли. Всѣми такими случаями учитель долженъ пользоваться, наблюдая, чтобы усиліе воли не ослабѣвало и укрѣплялось частою практикою. Иначе можетъ ослабѣть самодѣятельность и застынетъ въ механическомъ навыкѣ. Вотъ почему трудно бываетъ справляться съ дѣтьми, которыя выросли дома въ строгой дисциплинѣ, и въ механическомъ послушаніи, не оставлявшемъ мѣста развитію и усиліямъ воли. И въ школѣ не приводитъ къ

добру такая система одной лишь внѣшней дисциплины, строгое соблюденіе коей считается главнымъ признакомъ добраго поведенія.

Ходъ развитія можетъ быть выраженъ въ трехъ словахъ, означающихъ его ступени: *попробую, — сдѣлаю, — пойду дальше.*—Первая ступень—усиліе сдѣлать. Къ усилію побуждаетъ трудность. Ощущеніе трудности неприятно. Надо преодолѣть его усиліемъ. Дисциплина возбуждаетъ ученика сдѣлать усиліе, чтобы достигнуть цѣли, то есть сдѣлать, что нужно. Наградкою усилія будетъ во первыхъ успѣхъ, во вторыхъ облегченіе дальнѣйшихъ усилій—ученикъ идетъ впередъ,—а конечнымъ результатомъ будетъ качественное преобразование въ характерѣ ученика. Въ смыслѣ физиологическомъ преобразуется все нервное его настроеніе—изъ ненормальнаго въ нормальное и постоянное.

Въ людяхъ взрослыхъ часто видимъ неумѣнье держать себя въ обществѣ, грубость рѣчей и пріемовъ, проявленіе эгоизма. Это происходитъ большею частью не столько отъ особенныхъ свойствъ природныхъ, сколько отъ *невоспитанности*. Вотъ почему на этотъ важный предметъ должно быть обращено вниманіе воспитателя добрыхъ навыковъ. Онъ долженъ примѣчать раннія проявленія грубости и эго-

изма, останавливая ихъ, но въ то же время пользуясь всѣми случаями, въ коихъ ученикъ пріучается сдерживать себя. Малыя дѣти не должны грубо драться и щипаться, за столомъ должны сидѣть въ порядкѣ и т. п. Когда подрастутъ, надобно, чтобы въ нихъ развивалось понятіе объ общихъ интересахъ, о чести, и обязанностяхъ цѣлаго класса. Для этого полезень существующій во многихъ школахъ обычай возлагать на самихъ учениковъ разумную и отвѣтственную заботу о нуждахъ цѣлаго класса и уходъ за порядкомъ въ классѣ, его обстановкѣ и принадлежностяхъ, въ занятіяхъ, развлеченіяхъ, играхъ и т. п. Этой цѣли служитъ учрежденіе мониторовъ, префектовъ, старшихъ, старость и т. п. Надобно помнить, что каждый изъ учениковъ станетъ когда нибудь въ своемъ мѣстѣ гражданиномъ, съ участіемъ въ дѣлахъ общественныхъ, и школа должна пріучить его такъ, чтобы онъ современемъ и въ такомъ важномъ дѣлѣ руководствовался не личнымъ интересомъ и самолюбіемъ; чтобы онъ учился понимать, что истинная свобода состоитъ совсѣмъ не въ своеволии, а напротивъ, для того чтобы свободою пользовались всѣ, необходимы для всѣхъ твердыя правила о томъ, что слѣдуетъ дѣлать и чего

нельзя дѣлать, отъ чего слѣдуетъ воздерживаться.

Великое дѣло приучить дѣтей къ правдивости. Корни лжи скрываются глубоко въ натурѣ каждаго ребенка—у одного они болѣе упорны, у другого менѣе, ибо не у всякаго натура здоровая и умъ здравый. Въ борьбѣ съ ложью надобно дѣйствовать и на умъ, и на сердце. Прежде всего необходима воспитателю самая строгая справедливость въ отношеніи къ ученикамъ,—она должна вызвать въ каждомъ соотвѣтственное сознание правды. Источникомъ лжи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ служить почти всегда побужденіе эгоизма или себялюбія—желаніе выгоды, желаніе избѣжать наказанія или горькаго сознанія вины своей. Воспитатель долженъ приступать къ лѣченію этой лжи,—но крайне осторожно, и тѣмъ осторожнѣе, чѣмъ малолѣтнѣе виновный. Ни страхомъ, ни строгимъ приказомъ нельзя вылѣчить эту болѣзнь. Боже избави настаивать на испорченности ребенка, обращаясь къ нему, какъ къ негодяю,—это значить испортить все дѣло. Можно только мало по малу завоевать умъ и сердце ребенка, ввести его въ область правды. Всего надежнѣе—будить въ немъ чувство достоинства и къ этому чувству обращаться. Идеаль для ребенка—быть

большимъ человѣкомъ: надобно, чтобы онъ понималъ, какъ этотъ идеалъ искажается и разрушается ложью.

И въ преподаваніи необходимо учителю соблюдать умственную правду. Всякое дѣло умственной работы въ классѣ должно быть въ виду всѣхъ такимъ, каково оно есть въ дѣйствительности. Разрѣшается ли задача, составляется ли грамматическая конструкція, пишется ли сочиненіе или сказывается урокъ,—не слѣдуетъ допускать, чтобы дѣло не сдѣланное получило видъ сдѣланнаго, невѣдѣніе казалось достаточнымъ знаніемъ, ходячее слово безъ опредѣленнаго значенія принималось безъ сознанія и объясненія. И учитель долженъ смотрѣть за собою, когда даетъ объясненіе или отвѣтъ на вопросы ученика, чтобы мысль его и слово его были ясныя и не туманныя; самъ онъ долженъ учиться, приготовляясь къ уроку. Все ученье пропало даромъ, если ученикъ не вынесъ изъ него привычку къ добросовѣстности и аккуратности въ работѣ, привычку продумывать все, что онъ дѣлаетъ, привычку употреблять слова въ истинномъ, точномъ ихъ значеніи. Въ этомъ отношеніи учитель долженъ служить примѣромъ,—авторитетъ его поколебленъ, если ученики замѣчаютъ, что самъ онъ шарлата-

нить въ урокахъ. Умный учитель, когда сознаетъ самъ, что въ рѣшеніи напр. задачи или въ иной работѣ нѣтъ у него твердаго умѣнья, пользуется этимъ случаемъ для того, чтобы приобщить ученика къ уясненію предмета, чтобы вмѣстѣ съ нимъ найти выходъ изъ затрудненія: этимъ оживляется интересъ и укрѣпляется въ ученикѣ сознаніе плодотворности добросовѣстнаго труда.

Всякое ученье должно быть проникнуто нравственнымъ началомъ,—но воспитывать нравственное чувство одними наставленіями—невозможное и фальшивое дѣло. Французскіе педагоги дѣлаютъ изъ нравственности учебный предметъ; вводятъ у себя учебники нравственности, возводятъ нравственное ученье въ систему; система устанавливаетъ категоріи нравственности съ объясненіемъ иногда отрицательныхъ явленій по предметамъ, о коихъ ученикъ не имѣетъ еще въ жизни понятія. Такое ученіе можетъ приносить только вредъ, а не пользу. Можно представить отвлеченныя черты той или иной добродѣтели, правило добраго поведенія,—но къ чему послужить это правило, когда вмѣстѣ съ нимъ нѣтъ готоваго случая примѣнить это правило къ жизни? Образованіе характера совершается послѣдовательно медленнымъ ходомъ, а юный, незрѣ-

лый умъ не въ состояніи живо и дѣйственно усвоить себѣ отвлеченное понятіе или отвлеченный образъ. Учитель въ состояніи иногда одушевить этимъ образомъ молодого человѣка, возбудить горячее его сочувствіе; но это будетъ лишь впечатлѣніе, и, повторяясь, можетъ породить одну лишь сентиментальность, если жизнь и обстановка не дасть ученику готовыхъ случаевъ испытать себя и правило на дѣлѣ. Одна *умственная* или воображаемая добродѣтель—ничего не стоитъ и производитъ лишь самообольщеніе. Справедливо замѣчаютъ, что когда умъ чрезмѣрно занятъ отвлеченностями и образами, нерѣдко ослабляется вмѣстѣ съ тѣмъ энергія воли.

Часто повторяемыя наставленія и запреты, какъ бы ни были убѣдительны и строги, мало приносятъ пользы, а отъ повторенія теряютъ всякую силу. Но школьная жизнь представляетъ учителю, можно сказать, на всякомъ шагу готовые случаи возбудить ученика во время сказаннымъ словомъ, для того чтобы воспитать въ немъ влеченіе къ добру и отвращеніе отъ зла...

Особенной внимательности требуютъ награды и наказанія. Въ дѣйствительной жизни, на рынкѣ дѣлѣ человѣческихъ, всякая дѣятельность слу-

жить ареною для состязанія объ успѣхахъ и наградахъ, и чѣмъ больше стремящихся къ тому и другому, тѣмъ живѣе и ревностнѣе состязаніе. Самыя крупныя награды достигаются усиленною борьбою одного—противъ остальныхъ соперниковъ. Въ маломъ видѣ школьной жизни отражается то же явленіе. Соперничество въ погонѣ за почестями, за славой, служитъ главною пружиной всякой дѣятельности и сильнымъ двигателемъ успѣховъ въ наукѣ и искусствѣ. Но въ примѣненіи къ школѣ развитіе подобнаго соперничества ведетъ къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Оно возбуждаетъ и поддерживаетъ въ ученикѣ желаніе добыть для себя лично то, что другимъ не достается, и мѣшаетъ развитію желательнаго расположенія быть пріятнымъ для всѣхъ тѣхъ, чьимъ мнѣніемъ дорожить надо. Мы привыкаемъ измѣрять свое достоинство тѣмъ, что мы въ состояніи сдѣлать—но эта мѣра обманчива: правая мѣра достоинства—во внутреннемъ человѣкѣ, а та мѣра, если преобладаетъ, способна вносить въ жизнь и отношенія чувства необщительныя,—тщеславіе и зависть. Здравому смыслу и бдительности воспитателя предлежитъ уравнивать по возможности эти теченія. Съ малыми дѣтьми особенно требуется осторожность въ распредѣленіи

наградъ, и во всякомъ случаѣ достоинство должно принадлежать не столько совершенному дѣлу, сколько добросовѣстному старанію: не столь важно дѣло, сколько свойство дѣланія. Чрезмѣрная погоня за школьными наградами можетъ губительно отразиться на дальнѣйшемъ развитіи молодыхъ людей, и въ будущей дѣятельности ихъ превратится въ страсть къ похваламъ, наградамъ и отличіямъ (*laudum immensa cupido*). Изъ всѣхъ видовъ награды самый лучший, самый дѣйствительный,—это слово одобренія, во время сказанное добрымъ и разсудительнымъ наставникомъ. Но самую существенною и самую естественною наградою дѣла служить всякому дѣятелю чувство удовлетворенія совершеннымъ дѣломъ или работою. Если наставникъ сумѣлъ довести своихъ питомцевъ до живого ощущенія своихъ успѣховъ, движеніе впередъ обезпечено. Когда дѣлатель заинтересованъ въ усовершеніи своего дѣла и дѣлаетъ его добросовѣстно, и можетъ сказать себѣ сознательно: «хорошо сдѣлано», это ему своя награда, которую можно назвать творческимъ сознаніемъ совершеннаго.

Здравая дисциплина не можетъ обходиться безъ наказаній. Но какъ въ наградахъ, такъ и въ наказаніяхъ наставникъ долженъ быть крайне

бережливъ и разсудителенъ. Школа, гдѣ сыплются наказанія—нехорошая, нездоровая школа. У малыхъ дѣтей ощущенія сосредоточены главнымъ образомъ въ сферѣ физической природы, и для нихъ оцутительнѣе всего матеріальная сторона—и наградъ и наказаній. Но по мѣрѣ ихъ возрастанія, эта сторона теряетъ свое значеніе, и надежнѣе становится и для того и для другого обращаться къ воображенію, симпатіямъ и разсудку. Въ здоровой школьной организаціи самымъ чувствительнымъ наказаніемъ должно служить чувство осужденія и порицанія со стороны наставника и товарищей.

Въ умственной области движеніе и развитіе мысли совершается посредствомъ ассоціаціи идей. Мысль таится въ душѣ, доколѣ не коснется ея и не приведетъ ее въ движеніе другая мысль, внушаемая тѣмъ или другимъ явленіемъ. То же самое происходитъ въ области нравственныхъ ощущеній: возбужденная мысль, приходя въ движеніе, ищетъ выразиться въ видимости, въ дѣйствіи. Гдѣ только сошлось два-три человѣка вмѣстѣ, начинается взаимное внушеніе и воздѣйствіе, и совершается непрерывно. Нерѣдко случается, что человѣкъ, приглядываясь къ пріемамъ и способамъ дурныхъ и преступныхъ дѣйствій, самъ къ тому же склоняется; но и

склонность къ добру подчиняется такому же закону внушенія и воспріимчивости, и тѣсно связана съ свойственнымъ болѣе или менѣе каждому стремленіемъ *къ подражательности*. Вникая въ это свойство, мы видимъ, что оно дѣйствуетъ во многихъ случаяхъ *автоматическимъ* побужденіемъ, въ началѣ даже безъ участія воли. Въ этомъ смыслѣ подражательность можно считать источникомъ и двигателемъ человѣческихъ учрежденій, нравовъ и обычаевъ всякаго рода, и то, что ею возбуждено и въ ней утвердилось, трудно бываетъ въ послѣдствіи искоренить или излечить дѣйствіемъ разумнаго разсужденія и воли, и въ области умственной и въ области нравственныхъ ощущеній и понятій.

Есть, неоспоримо, какая-то скрытая внутренняя сила, которая возбуждаетъ въ душѣ чловѣка сочувственное движеніе при видѣ дѣйствія чловѣческаго или чловѣка дѣйствующаго, и захватываетъ воображеніе. Это свойство долженъ имѣть въ виду воспитатель въ своихъ отношеніяхъ къ ученикамъ: живое слово учителя, живой примѣръ его—вотъ главные пути внушенія, коими онъ дѣйствуетъ на ученика, возбуждая въ немъ дѣятельную силу,—воспитываетъ волю его добрыми побужденіями и навыками, утверждаетъ въ умѣ его живыя идеи и понятія.

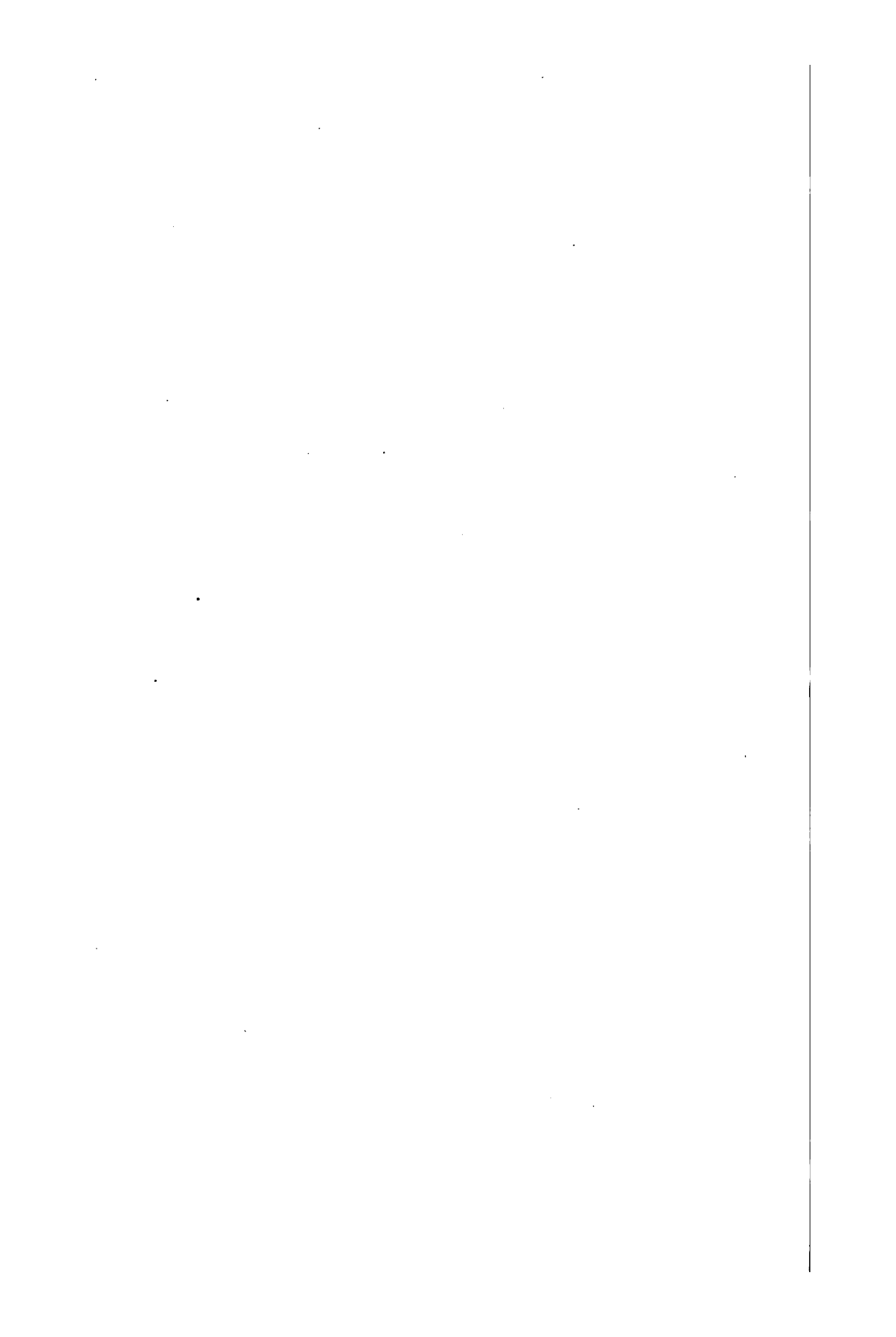
Свойство сильнаго характера состоитъ въ способности управлять людьми, то есть въ способности внушенія, въ способности вызывать и оживлять въ нихъ сочувствіе и подражательность. Итакъ, долгъ учителя—прежде всего зорко смотрѣть за собою: весь образъ дѣйствія его въ обращеніи съ учениками имѣетъ, въ авторитетномъ его положеніи, внушительную силу. И надобно еще помнить, что всякій человѣкъ въ дѣйствіяхъ своихъ имѣетъ заднюю мысль о томъ, какъ его разумѣютъ, и чего отъ него ожидаютъ: очень важно сознаніе, что ждутъ отъ него добраго, а не дурнаго. Если ученику по привычкѣ твердятъ все одно, что онъ негодный, что онъ злой и т. п., и онъ, пріучаясь къ этой мысли, становится негоднымъ.

Воспитатель тѣмъ увѣреннѣе можетъ положиться на ученика своего, чѣмъ увѣреннѣе ученикъ, что воспитатель относится къ нему съ довѣріемъ. Напротивъ того, постоянное недовѣріе, подозрительность, частое повтореніе выговоровъ, наставленій, запретовъ, можетъ повести къ деморализаціи ученика и къ ослабленію въ немъ дѣятельной силы.

Говоря о внушеніяхъ, нельзя забывать о томъ, какимъ могучимъ орудіемъ внушенія служитъ, особливо въ наше время, литература,

и книжная и газетная. У всякаго образуется нынѣ характеръ подѣ сильнымъ воздѣйствіемъ чтенія: ^{въ чтеніи} завладевая воображеніемъ, идеи и представленія, выхваченныя изъ книгъ, мало по малу дѣйствуютъ на всю нервную организацію. Вотъ почему воспитатель не можетъ и не долженъ быть равнодушенъ къ содержанію и характеру книгъ, которыя обращаются въ рукахъ учениковъ его.

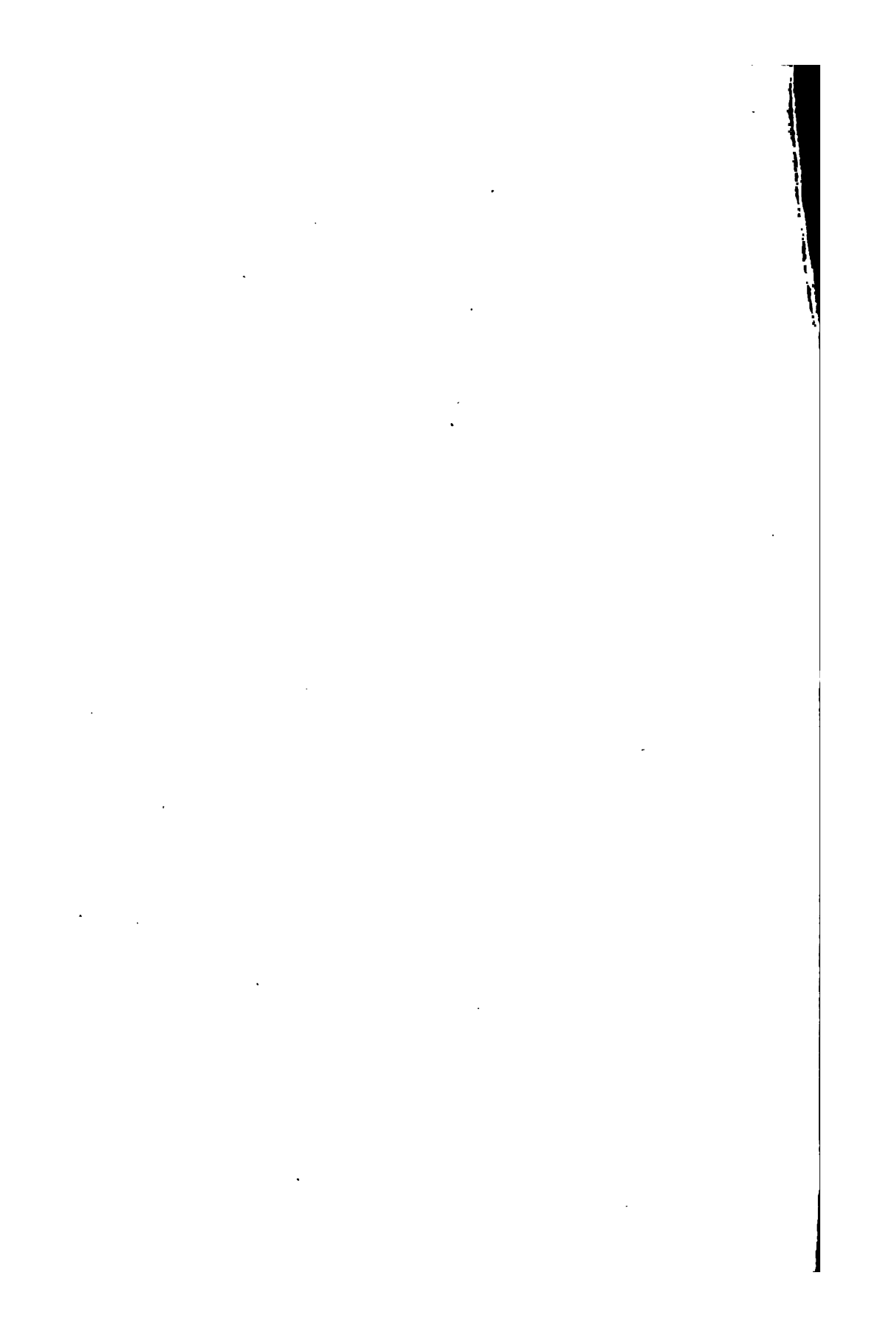

ВЪ СИНОДАЛЬНЫХЪ КНИЖНЫХЪ ЛАВКАХЪ
ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

К. П. Побѣдоносцева:

- О подражаніи Христу. *Өомы Кемпійскаго*. Переводъ съ латинскаго. Изд. 6-е, съ размышленіями изъ духовныхъ писателей. СПБ. 1896. Ц. 1 р. 25 к.
- Исторія Православной церкви до начала раздѣленія церквей. Изд. 4-е. СПБ. 1898. Ц. 75 к.
- Праздники Господни. Изд. 6-е. М. 1902. Ц. 50 к.
- Побѣда, побѣдившая міръ. Изд. 9-е. М. 1898. Ц. 45 к.
- Московскій сборникъ. Изд. 5-е, допол. М. 1901. Ц. 1 р. 40 к.
- Христіанскія начала семейной жизни. М. 1901. Ц. 75 к.
- Исторія дѣтской души. Повѣсть не для дѣтей. М. 1902. Ц. 1 р.
- Новая школа. Изд. 2-е. М. 1899. Ц. 50 к.
- Ученье и учитель. Педагог. замѣтки. М. 1903. Ц. 30 к.
- Призваніе женщины въ школѣ и обществѣ. М. 1901. Ц. 40 к.
- Сборникъ сочиненій Гилярова-Платонова, въ двухъ томахъ. М. 1899. Ц. 4 р.
- Основная конституція чловѣческаго рода. Соч. *Ле-Плэ*. М. 1897. Ц. 75 к.
- Вѣчная память. Воспоминанія о почившихъ. М. 1899. Ц. 75 к.
- Правда о гр. Львѣ Толстомъ. М. 1900. Ц. 15 к.

ВЪ СИНОДАЛЬНЫХЪ КНИЖНЫХЪ ЛАВКАХЪ
ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

К. П. Побѣдоносцева:

О подражаніи Христу. *Өмь Келтійскаго.* Переводъ съ латинскаго. Изд. 6-е, съ размышленіями изъ духовныхъ писателей. СПБ. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія Православной церкви до начала раздѣленія церквей. Изд. 4-е. СПБ. 1898. Ц. 75 к.

Праздники Господни. Изд. 6-е. М. 1902. Ц. 50 к.

Побѣда, побѣдившая міръ. Изд. 9-е. М. 1898. Ц. 45 к.

Московскій сборникъ. Изд. 5-е, допол. М. 1901. Ц. 1 р. 40 к.

Христіанскія начала семейной жизни. М. 1901. Ц. 75 к.

Исторія дѣтской души. Повѣсть не для дѣтей. М. 1902. Ц. 1 р.

Новая школа. Изд. 2-е. М. 1899. Ц. 50 к.

Ученье и учитель. Педагог. замѣтки. М. 1903. Ц. 30 к.

Призваніе женщины въ школѣ и обществѣ. М. 1901. Ц. 40 к.

Сборникъ сочиненій Гилярова-Платонова, въ двухъ томахъ. М. 1899. Ц. 4 р.

Основная конституція человѣческаго рода. Соч. *Ле-Плѣ.* М. 1897. Ц. 75 к.

Вѣчная память. Воспоминанія о почившихъ. М. 1899. Ц. 75 к.

Правда о гр. Львѣ Толстомъ. М. 1900. Ц. 15 к.

Время Учителя

УЧЕНЬЕ И УЧИТЕЛЬ.

Педагогическія замѣтки.

2
ВТОРАЯ КНИЖКА.

Издание К. П. Побѣдоносцева.

Москва.—1904.

УЧЕНЬЕ и УЧИТЕЛЬ.

Педагогическія замѣтки.

ВТОРАЯ КНИЖКА.

Издание К. П. Побѣдоносцева.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1904.

Ed uc 20 19. 04. 15

γ
Harvard College Library
Sept. 3, 1913
Bequest of
Jeremiah Curtin

Доволено цензурою. Москва. 1904 года. Февраля 25 дня.

Jeremiah Curtis

УЧЕНЬЕ и УЧИТЕЛЬ.

Педагогическія замѣтки.

Въ томъ состоитъ великое значеніе религіи для воспитанія характера, что она, оживляя въ насъ сознаніе Бога и присутствія Божія, даетъ *единство* всей нашей жизни. Какъ необходимо, но и какъ трудно удержать это ощущеніе *единства!* Наша цивилизація чѣмъ болѣе совершенствуется, тѣмъ болѣе отлучаетъ людей другъ отъ друга и разбиваетъ жизнь каждаго изъ насъ на разныя части, мало между собою связанныя. Чѣмъ болѣе усложняется жизнь, тѣмъ болѣе расчленяется. Успѣхъ промышленности основанъ на раздѣленіи труда, успѣхъ знанія— на специализаціи наукъ. Жизнь наша раздроблена на кусочки, раздроблены и обязанности.

Иныя—лежать на насъ въ домѣ и въ семьѣ, другія—внѣ дома, въ отношеніяхъ къ людямъ; всѣ онѣ расписаны и занумерованы, иногда въ гомеопатическихъ дозахъ, чтобы не очень смущать насъ. Стремленіе раздѣлять жизнь на малыя части, къ которому во всякое время склоненъ былъ человѣкъ,—овладѣло въ наше время всѣми. Что же можетъ теперь связать во едино нашу раздробленную жизнь? Ничто иное—только мысль о Богѣ и Его отношеніи къ нашей жизни; только это откроетъ намъ истинное значеніе бытія нашего, дастъ возможность—сквозь массу подробностей, изъ коихъ по необходимости состоитъ жизнь наша, распознать единую великую вселенскую цѣль, одушевляющую и возвышающую бытіе человѣческое. Весь успѣхъ нашей жизни состоитъ въ сознаніи этого основнаго ея единства, въ коемъ ясна становится взаимная связь всѣхъ частей нашей жизни, ясно истинное значеніе всѣхъ малыхъ дѣлъ и явленій, изъ коихъ составляется жизнь наша. Въ слѣдъ поступкамъ и дѣламъ нашимъ долженъ слышаться голосъ оживляющаго духа, напоминающаго, что мы стремимся воплотить въ жизни высшее начало, видѣть передъ собою ясный конецъ и цѣль ясную. А это возможно только въ Богѣ; лишь въ мысли о Богѣ можемъ мы

обрѣсти равновѣсіе земного бытія, уразумѣть идею единства жизни; лишь въ мысли о Богѣ мы сами себя обрѣтаемъ посреди безчисленныхъ дробностей жизни.

Обученіе вѣрѣ должно быть сосредоточено на лицѣ Господа Іисуса и на Евангельскомъ ученіи. Но всякій вѣрующій принадлежитъ къ церкви, а церковное ученіе основано на догматахъ, и потому основа учительства должна быть догматическая. Ошибаются тѣ, кто думаетъ, что эта основа должна быть преимущественно нравственная. Начала нравственнаго ученія непрочны и шатки, если не коренятся въ *вѣрѣ*. Оставленный самому себѣ, человѣкъ воспитывается средою, воспринимая тѣ идеи, тѣ ученія, тѣ примѣры, кои видитъ и слышитъ около себя. Для того чтобы не растерялся человѣкъ въ своихъ впечатлѣніяхъ, привычкахъ и желаніяхъ, нужно ему имѣть въ душѣ своей сокрытый *источникъ силы*, которая научитъ и поможетъ отринуть злое и избирать благое, различить ложь и правду, создать себѣ внутреннюю жизнь и распознать явственно цѣль своей жизни. Единственный источникъ этой силы—вѣра, и наши вѣрованія должны быть точны и способны выразиться въ нашемъ сознаніи ясно и опредѣли-

тельно. Вотъ почему въ ученіи вѣры необходимо знаніе догматическое.

Иной готовъ сказать: «все ученіе Евангельское заключается въ любви—и мнѣ этого довольно, и я предъ лицомъ всѣхъ выступаю съ началомъ любви ко всѣмъ людямъ».

Но одно это начало еще не дѣйствительно и легко расплывается въ безплодномъ сентиментализмѣ. Оно не даетъ прочныхъ результатовъ. Мало одной любви для рѣшенія всѣхъ вопросовъ жизни. Любовь должна соединиться съ *знаніемъ*, и въ этомъ состоитъ цѣль воспитанія и начало образованія *характера* въ человѣкѣ.

Вотъ почему истинное воспитаніе должно утверждаться на религіи.

Только тотъ хорошій учитель, кто имѣетъ религіозное настроеніе: одно лишь оно служитъ опорой ученію нравственному. Иначе—какъ утвердить онъ въ душѣ ученика понятіе о добрѣ и злѣ, о нравственномъ дѣйствіи и безнравственномъ. Наказаніе для этого недостаточно: наказаніе само по себѣ—дѣйствіе одной грубой силы.

Новыя попытки утвердить школу, помимо религіи, на нравственномъ ученіи всюду оказываются и всегда окажутся безплодными. Нравственныя начала ученія испарятся и исчезнутъ, или поблекнутъ до безразличія, уступивъ мѣсто

матеріальнымъ побужденіямъ. Но ученіе основанное на религіозныхъ началахъ вводитъ душу въ новую, духовную сферу, открываетъ ей горизонты духовной жизни, оставляетъ въ ней идеи и понятія,—которыя если и поблѣднѣютъ, совсѣмъ исчезнуть не могутъ, не забываются, и даже, поблѣднѣвъ, снова нерѣдко возвращаются въ душу, освѣжая ее.

Понятіе о духовной цѣльности человѣка вытѣсняется дробленіемъ ея на отдѣльныя способности и силы, изъ коихъ каждая развивается и дѣйствуетъ по своимъ особеннымъ законамъ и въ полномъ разобщеніи съ другими. Возникаетъ представленіе о какомъ то ящикѣ съ глухими перегородками: вотъ въ этой клѣткѣ мѣсто для догматики—это по части благодати; а рядомъ, за перегородкою помѣщается искусство—это департаментъ вкуса; тамъ, въ сторонѣ, наука, куда никакая способность, кромѣ отвлеченной мысли, проникать не должна; а тамъ и нравственность. Естественно, что для того, кто свыкъся съ этими представленіями, трудно допустить, что всѣ способности человѣка подчиняются высшей духовной силѣ сознаніемъ просвѣтленнаго самообладанія, и что въ сущности у всѣхъ одна задача—созданіе цѣльнаго

образа нравственнаго человѣка. И такъ становится намъ понятенъ человѣкъ какъ равнодушное вмѣстилище, въ которомъ укладываются разныя способности, и мы продолжаемъ толковать о высокомъ значеніи личности, не замѣчая, что мы же подорвали его, откинувъ понятіе о внутренней цѣльности. Намъ не представляется нисколько невозможнымъ, чтобы одинъ и тотъ же человѣкъ вѣрилъ въ одно, зналъ другое, восхищался третьимъ... Когда понадобится, можно открыть одинъ ящикъ, а всѣ прочіе закрыть...

Кому случалось слѣдить за развитіемъ умственныхъ и душевныхъ способностей въ ребенкѣ съ самаго ранняго возраста, тотъ вѣроятно замѣчалъ, что прежде всего вниманіе его останавливается на самыхъ общихъ, отвлеченныхъ и въ то же время самыхъ практическихъ вопросахъ, по ихъ прямому отношенію къ личности каждаго. Онъ старается уяснить себѣ, что такое Богъ, свое отношеніе къ Богу, въ чемъ выражается Промысль, откуда добро и зло; онъ вслушивается въ первое лепетаніе своей совѣсти и съ жадностью разспрашиваетъ объ отношеніи міра видимаго къ міру невидимому, коего первоначальное темное ощущеніе проявляется въ особенномъ чувствѣ ужаса, неизвѣстно откуда западающемъ въ душу ребенка. Потомъ,

по мѣрѣ того какъ расширяется кругъ его ощущеній и новыя представленія, одно за другимъ, выдѣляются изъ сплошной массы явленій, онъ прежде всего старается по своему приладить ихъ къ понятіямъ, уже пріобрѣтеннымъ имъ, связать новое со старымъ, и все что дѣлается съ нимъ или въ его глазахъ, обратить въ урокъ для себя. Неожиданность этихъ примѣненій и быстрота, съ которою сужденіе слѣдуетъ за каждымъ наблюденіемъ, часто бываютъ поразительны и указываютъ на внутреннюю, никогда не перестающую работу души. Тамъ, на какомъ-то неугасающемъ огнѣ, весь матеріалъ, пріобрѣтаемый извнѣ, какъ будто растопляется и въ новомъ видѣ немедленно идетъ въ дѣло самообразованія. Кажется, что главная задача состоитъ именно въ облегченіи этой внутренней работы, такъ чтобы содержаніе, потребное для нея, никогда не оскудѣвало и въ то же время не подавляло самостоятельности своимъ обиліемъ.

И въ развитіи цѣлаго народа начальное по существу своему усваивается и опредѣляется въ началѣ. Возьмите любую образованность, завершившую полный кругъ своего развитія, и вы найдете въ основѣ ея систему религіозныхъ вѣрованій. Изъ нихъ вытекаютъ нравственныя

понятія, подъ вліяніемъ коихъ слагается семейный и общественный бытъ. Нельзя себѣ представить цѣльнаго и свѣжаго народа, который не имѣлъ бы вѣры. Вѣра предполагаетъ сознанный и недостигнутый идеаль, верховный и обязательный законъ; а кто усвоилъ себѣ законъ и внесъ его въ свою жизнь, тотъ черезъ это самое сталъ выше міра явленій и приобрѣлъ надъ собою творческую силу: тотъ уже не прозябаетъ, а образуетъ себя... (Самаринъ).

Первая, основная, живая и дѣйственная школа Закона Божія—есть церковь, т. е. храмъ Божій, съ его богослуженіемъ, чтеніемъ и пѣніемъ. Благо тому, кто въ этой школѣ почерпалъ первые уроки вѣры, которые послѣ, въ школѣ искусственно созданной, могли ему казаться тяжкимъ бременемъ. Наша православная церковь обладаетъ для сего неоцѣненнымъ сокровищемъ, коего лишены другія. Нѣтъ ни одного догмата, ни одного великаго или важнаго лица и событія Ветхозавѣтной и Евангельской исторіи, что бы не находило себѣ—не только отголоска,—но и живого образа въ составѣ нашего богослуженія. Всему найдется тутъ отраженіе въ стихирахъ, догматикахъ, антифонахъ, канонахъ, псалмахъ и пареміяхъ. И все это является

(Самаринъ)
и не (Самаринъ)

въ словѣ исполненномъ глубокой поэзіи и въ связи, въ неразрывной связи *слова съ пѣніемъ* размѣреннымъ и рассчитаннымъ на *слово*.—Но этимъ сокровищемъ мы такъ скудно пользуемся, что многіе и совсѣмъ съ нимъ незнакомы; такъ что эти, самыя существенныя, самыя внятныя для народа и поучительныя части нашего богослуженія пренебрегаются, для краткости, въ совершеніи обряда, и оставляется лишь остовъ его, оживляемый только молитвою простыхъ душъ приходящихъ въ церковь.

Хорошо тому, у кого этою школою богопочтенія и вѣроученія служила своя приходская церковь, церковь, гдѣ вся семья изъ рода въ родъ молилась и освящала молитвой всѣ важныя событія семейной жизни. Нынѣ, съ непомятнымъ возростаніемъ городовъ, съ непрерывною смѣною городского населенія, съ приливомъ толпы къ городскимъ центрамъ, изсякаетъ или совсѣмъ утрачивается это значеніе прихода и приходской церкви. Въ большихъ городахъ, особливо въ столицахъ, замѣною прихода для высшихъ слоевъ общества служатъ домашнія церкви, съ ихъ церемоніальнымъ видомъ, съ ихъ обрѣзаннымъ, нерѣдко искалѣченнымъ богослуженіемъ—жалкая замѣна, посреди коей исчезаетъ духовная связь семьи съ церковью. Въ

учебныхъ заведеніяхъ съ общежитіемъ заводится своя церковь—предполагается обыкновенно, что живущіе совмѣстно ученики должны составлять какъ-бы одну семью, собирающуюся въ церкви или около церкви. Но какъ рѣдко осуществляется этотъ идеалъ въ дѣйствительности;—для этого нужно рѣдкое соединеніе въ одномъ воспитательномъ духѣ начальства съ учебнымъ персоналомъ и съ настоятелемъ церкви законоучителемъ:—благодатное явленіе—крайне рѣдкое. Войдите въ такую церковь—вы увидите ряды учениковъ, механически собираемые къ извѣстнымъ мѣстамъ, или дѣвицъ, на подобіе куколъ выправленныхъ къ стоянію, увидите начальство, бездушно стоящее и скучающее—развѣ для наблюденія за порядкомъ...

Всякая школа считаетъ себя въ правѣ слыть школою религіознаго обученія, когда въ числѣ предметовъ значится на первомъ мѣстѣ Законъ Божій. Но что означаетъ преподаваніе Закона Божія? Мало, бѣдно, если это значить только учебная священная исторія и вопросы и отвѣты на память изъ катихизиса. Учить Закону Божию должно бы значить: учить живой вѣрѣ. Мало учить только, *какъ жилъ и училъ и умеръ и воскресъ Господь Иисусъ*: надо дѣтямъ ощу-

тять, что нельзя имъ жить безъ Господа Иисуса, что слова Его и рѣчи должны перейти въ ихъ жизнь и въ ихъ природу; чтобы они поняли и ощутили, что значить носить имя Христово, быть христіаниномъ, что значить ходить предъ Богомъ, хранить правду въ душѣ и страхъ Божій,— то есть храненіе чистоты своей передъ Богомъ. И тотъ, кто учитъ ихъ, долженъ помнить, что дѣти смотрять въ глаза ему и не только слушаютъ рѣчи его и уроки, но ищутъ въ немъ видѣть христіанина, хранящаго и творящаго правду...

Таковъ идеаль. Но когда мы обращаемся къ дѣйствительности, видимъ передъ собою учебники съ прибавкою учебныхъ пособій, видимъ программы съ номенклатурою предметовъ и съ раздѣленіемъ курсовъ по классамъ. На первомъ планѣ—священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, при чемъ съ перваго года, въ послѣдующіе года, повторяется расписаніе тѣхъ же самыхъ предметовъ, съ предполагаемымъ только расширеніемъ разъ уже преподаннаго; при чемъ св. Евангеліе входитъ *въ составъ священной исторіи* и разбивается на «уроки» и на множество вопросовъ, которые экзаменаторъ будетъ предлагать «испытуемымъ» дѣтямъ, и которыми многихъ изъ нихъ будетъ приводить въ смущеніе и слезы.

Никакую вѣру невозможно отдѣлить отъ *культа*, соединеннаго съ вѣрою, то есть отъ богослуженія, и въ особенности отъ нашего православнаго богослуженія. Здѣсь вѣрованіе, облакаясь въ слова, образы и звуки, оживляетъ и возвышаетъ сердечное чувство и правду его освѣщаетъ красотою.—Отрѣшенное отъ богослуженія, преподаваніе Закона Божія отрѣшается отъ церкви. Но гдѣ оно неразрывно связано съ церковью, гдѣ дѣти, участвуя въ чтеніи и пѣніи церковномъ, привыкаютъ жить въ церкви ея жизнью и понимать и чувствовать глубину и красоту церковнаго обряда, тамъ только преподаваніе Закона Божія пріобрѣтаетъ желаемую полноту.

Однако и тамъ, гдѣ оно отрѣшено отъ церкви, программа Закона Божія заключаетъ въ себѣ ученіе о богослуженіи, разбитое также на множество вопросовъ. Такое ученіе мертво само по себѣ, и въ дѣтскихъ умахъ и въ устахъ преподавателя становится для дѣтей несноснымъ мученіемъ, когда имъ предлагаютъ вопросы о подробностяхъ церковныхъ сосудовъ и облаченій, совершенія таинствъ и разныхъ церковныхъ чиноположеній...

Учебныя заведенія растутъ и наполняются, и вмѣстѣ съ тѣмъ расширяются, раздуваются и пухнутъ программы предметовъ, кои должны быть преподаваемы и выставлены полнымъ спискомъ въ аттестатахъ и дипломахъ, составляющихъ конечную цѣль преподаванія. Нужны преподаватели—и ихъ готовятъ въ многочисленныхъ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ. Все это расписано въ порядкѣ, размѣчено и утверждено штатами и все это красуется на выставкахъ, отъ времени до времени устрояемыхъ на показъ всему обществу.

И все это—кимвалъ звенящій и мѣдь бряцающая, если все это лишено духа жизни и не скрѣплено единственно вѣрною, единственно прочною связью всякаго воспитанія и обученія—сознаніемъ *долга* во всякомъ дѣлѣ, къ какому бы кто ни готовился. Это сознаніе долга должно проникать весь строй учебнаго заведенія, начиная отъ начальства и кончая послѣднимъ изъ учениковъ: гдѣ нѣтъ его, тамъ весь строй трещитъ по швамъ и мало по малу распадается; гдѣ нѣтъ его, тамъ нѣтъ духовной связи ни между членами учащаго состава, ни между ними и учениками; нѣтъ интереса въ воспитательномъ дѣлѣ, нѣтъ ни въ комъ изъ учащихся и учащихъ той любви къ своей школѣ,

на которой живетъ, растетъ и укрѣпляется изъ рода въ родъ всякая школа. И воспитаніе и ученіе становится только механикой—стало быть ложью и обманомъ—и плоды его, горькіе для души, горьки для возрастающихъ поколѣній,—какъ бы ни казались блистательны конечные результаты ученія въ видѣ похвальныхъ аттестатовъ и добываемыхъ при помощи ихъ мѣстъ, чиновъ и отличій. Много слышится нынѣ рѣчей о *любви* въ воспитательномъ и учебномъ дѣлѣ—но что значитъ эта разглагольствующая о себѣ любовь, когда и она не основана на томъ же *сознаніи долга*, имъ не руководится и не укрѣпляется?

Съ самаго начала въ ребенкѣ, тѣмъ болѣе въ юношѣ, должно быть воспитываемо это сознаніе долга, на каждой работѣ входящей въ обученіе, на каждомъ дѣйствіи входящемъ въ воспитаніе. Но его слѣдуетъ неуклонно воспитывать: ни правило, ни приказаніе само по себѣ для этого недостаточно, потому что не имѣетъ духовной основы. Дѣло учителя дать работу уму, понятливости и умѣнью каждаго ученика—и его дѣло требовать, чтобы каждая работа исполнена была добросовѣстно, по мѣрѣ того что каждый въ состояніи понять и сдѣлать. Онъ долженъ удостовѣриться, что понято и что

не понято, и непонятое долженъ поправить въ умѣ ученика, для того чтобы сообщить ему и укрѣпить въ немъ привычку вдумываться въ то, что онъ дѣлаетъ, и желаніе сдѣлать—исправно и удовлетворительно, такъ чтобы всѣ могли понять и оцѣнить его работу. Только при этомъ условіи работа получаетъ *интересъ* для того, кто ее дѣлаетъ. Если же учитель всю свою оцѣнку работы разумѣетъ только голою цифрою отмѣтки, выговоромъ или взысканіемъ, не заботясь о томъ, какой слѣдъ то или другое оставить въ умѣ ученика,—ученикъ остается на томъ же мѣстѣ отупѣнія или протеста, безъ движенія впередъ, а самъ учитель являетъ въ себѣ только куклу механически заведенную и механически движущуюся. Такъ идутъ одинъ за другимъ механически учебные дни и часы, наполняясь раздраженіемъ и скукою, доколѣ не приведутъ къ критической эпохѣ каждаго учебного года—къ столь же механическому экзамену—къ паутинѣ, которую прорываетъ большая муха, тогда какъ малыя мухи въ ней запутываются. Тѣмъ не менѣе и большія и малыя кое какъ совершаютъ весь путь ученія, получая аттестаты—e sempre bene.

Но какіе же результаты всей этой операціи, производимой надъ массою возрастающаго поко-

лѣнія? Получается поколѣніе дряблѣе, хилѣе, безъ сознанія долга, стало быть безъ воли, безъ умѣнья дѣлать опредѣленное дѣло;—отъ массы отдѣляются лишь способные, незнающіе, куда направить свою способность и большею частью направляющіе ее лишь къ матеріальному улучшенію своего быта и къ добыванію всякой прибыли. Благо тому изъ нихъ, кому удастся попасть подъ руку знающаго, опытнаго и сердечнаго человѣка, кто захочетъ и сѣумѣетъ поставить его на дѣло и на дѣлѣ воспитать его. Но что ему дала, къ чему его приготовила школа, снабдившая его патентомъ—на всѣ четыре стороны искать судьбы своей?

Чувству долга нечего искать основаній юридическихъ въ понятіи права и обязанности. Корни его въ органической природѣ человѣка и семьи. Оно зарождается въ союзѣ мужа и жены, родителей и дѣтей, въ общей жизни семьи и въ общемъ хозяйствѣ. Въ этой сферѣ прямыя начала взаимной заботы, взаимнаго служенія, попеченія старшихъ о младшихъ, порядка и послушанія, исправности и добросовѣстности въ работѣ:—каждый знаетъ свое мѣсто и свое дѣло. Гдѣ благоустроена простая семья, тамъ чувство долга возникаетъ и развивается

естественно, соединяясь съ судомъ совѣсти, и образуется мало по малу привычка дѣлать должное.

Когда ребенокъ изъ семьи переходитъ въ школу, школа должна укрѣплять и развивать далѣе и это чувство и эту привычку—всѣмъ своимъ строемъ, и прежде всего примѣромъ лицъ руководящихъ школьнымъ обученіемъ и воспитаніемъ. Приучить дѣтей къ порядку сознательнаго и добросовѣстнаго труда—значитъ послужить къ созданію въ смѣшанной массѣ отдѣльныхъ личностей и къ образованію характеровъ—дѣло великое и великая служба обществу и государству. Если же школа не удовлетворяетъ этой главной цѣли, если руководящія ея лица смотрятъ на свое дѣло какъ на ремесло, и сами не относятся къ своимъ дѣйствіямъ добросовѣстно, то школа можетъ дать дѣтямъ вмѣсто добрыхъ одни дурные навыки, и способна разорить добрые задатки нрава, вынесенные изъ семьи.

Что посѣяно въ начальной школѣ, то переходитъ съ дѣтьми въ школу среднюю и вырастаетъ въ ней—на укрѣпленіе добрыхъ или дурныхъ навыковъ. Окрѣпшая въ сознаніи долга, въ отчетливости труда, въ охраненіи порядка, школа выводитъ въ крѣпкую силу выпускаемое

изъ нея новое поколѣніе молодыхъ людей—они станутъ строителями не только своей судьбы, но и судьбы цѣлаго общества въ послѣдовательной смѣнѣ работниковъ, выходящихъ на общую ниву труда.

Никогда не было столько, какъ въ наше время, заботы объ устройствѣ обученія и воспитанія; но на что она обращается? На умноженіе и снабженіе учебныхъ заведеній, на производство учителей, на принудительныя мѣры обязательнаго обученія дѣтей, на изысканіе денежныхъ средствъ для содержанія школъ. Посреди этихъ заботъ и усилій остается нерѣдко мало свободы и досуга для размышленія о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ дѣтьми, когда мы соберемъ ихъ въ школу, какъ и чему учить ихъ. Все это, устроивая школу, мы предполагаемъ уже заранѣе обдуманнѣмъ и устроеннѣмъ посредствомъ специалистовъ, вѣдающихъ учебными департаментами. Казалось бы, что главный предметъ попеченія—это именно дѣти, для коихъ школа устроена. Забота о дѣтяхъ—это забота объ насъ самихъ, о цѣломъ обществѣ, о поколѣніи, которое возрастаетъ: его надо намъ приготовить для жизни и дѣятельности—и приготовить лучше, нежели мы сами были приготовлены.

Дѣти являются въ школу и усаживаются и ждутъ, что съ ними будетъ. Является учитель и несетъ съ собою книгу и *указку*. Эта *указка* и замѣняетъ во все время систему обученія. Дѣтямъ указываютъ что имъ слѣдуетъ знать, и потомъ спрашиваютъ. А что такое дѣтская душа, до этого нѣтъ дѣла учителю, когда онъ механически ведетъ свое дѣло: во всякой душѣ—глубина, въ которую чѣмъ дольше вглядываешься, тѣмъ больше открывается въ ней таинствъ.

Но взрослый человѣкъ, подходя къ дѣтямъ, обыкновенно примѣняетъ къ нимъ складъ своего взрослога ума, а не складъ ума дѣтскаго,— а этотъ складъ совсѣмъ особенный. Ребенокъ начинаетъ съ того, что смотреть, примѣчаетъ и *собираетъ* въ себя. Взрослый умъ *износитъ* изъ своего запаса готовое и пріобрѣтенное. Дѣтскій умъ работаетъ *образами* и строитъ свои выводы изъ прямого наблюденія и опыта. Вотъ почему воспитаніе должно бы стремиться къ тому, чтобы охранять и воспитывать въ дѣтскомъ умѣ эту воспріимчивость наблюдательной способности и готовность возбуждать *вопросы* о томъ, что онъ хочетъ знать: въ этомъ корень интереса оживляющаго обученіе и первый залогъ всякаго успѣха—и не только на школьное время, но и на всю жизнь.

Но эту способность не только не поддерживает, но подавляетъ наша обычная система воспитанія, слѣпо примѣняя къ ней на первыхъ шагахъ такъ называемую школьную дисциплину. Почему? Увы! потому что обычная система ставитъ себѣ главною цѣлью достигнуть въ *положенный* срокъ извѣстнаго, предположеннаго и предписаннаго результата. Однако все, что подавляетъ въ челоуѣкѣ стремленіе и способность интересоваться, искать и спрашивать, противно главной задачѣ воспитанія—укрѣпить челоуѣка, чтобы онъ сталъ нуженъ для жизни и для дѣла. Если юноша вынесетъ изъ школы и немного изъ матеріала учебнаго, воспитаніе не пропало даромъ, когда онъ вынесетъ изъ школы чуткій умъ и запросы требующіе отвѣта.

Блаженный Августинъ, разсуждая объ ученіи, говоритъ: «Безполезенъ золотой ключъ, когда не приходится къ замку, а на все годенъ простой деревянный ключъ, когда къ замку приходится». Невольно приходитъ на мысль это слово, когда смотришь на наши многопредметныя и широкія программы, примѣняемыя безразлично къ цѣлой массѣ учениковъ: у многихъ изъ нихъ большимъ ключомъ замки не отпираются. А наши программы имѣютъ рѣши-

тельное значеніе, и когда благоразумный учитель сталъ бы примѣнять ихъ съ разумѣніемъ, его не похвалять, а осудять на экзаменѣ.

И сколько есть школъ въ глухихъ углахъ Россіи, гдѣ замки эти отпираются *только* простымъ деревяннымъ ключомъ, а большому патентованному ключу туда и не проникнуть. И не поможетъ дѣлу, когда повсюду требуются только ключи патентованные.

Ищущіе образованія стремятся быть *образованными*. Но что такое образованность? Чтобы войти въ образованность, мало еще пройти извѣстный курсъ и выдержать экзаменъ. Надобно приобрѣсть задатки дѣйствительнаго знанія и вынести изъ школы и желаніе и способность дальше воспитывать его въ себѣ. Необразованность обыкновенно смѣшиваютъ съ невѣжествомъ, то есть отсутствіемъ понятій о предметахъ знанія. Это необразованность *натуральная*, какую встрѣчаемъ у простыхъ деревенскихъ людей, не видящихъ свѣта и не прошедшихъ школу. Но въ этой натуральной необразованности таится еще почва благодарная,—когда коснется ея знаніе. Много хуже, много безотраднѣе та необразованность, которая происходитъ отъ *полуобразованія*. Такое полуобразование, пи-

таемое чтеніемъ газетъ и летучихъ произведеній ходячей литературы, особенно распространено въ наше время и составляетъ язву общественной жизни. Безпорядочное чтеніе передаетъ недисциплинированному уму только общіе взгляды и ходячія мнѣнія: оно само по себѣ только спутываетъ мысль и возбуждаетъ одну претензію знанія. Только дѣйствительное знаніе помогаетъ человѣку различить и оцѣнить по правдѣ ходячія мнѣнія и самому составить себѣ твердое правое *мнѣніе*. Натуральную необразованность желательно превратить въ образованіе; но человѣкъ просто невѣжественный, сознавая свое невѣжество, не имѣетъ претензій разсуждать о томъ, чего не знаетъ; но когда изъ этого состоянія мы выводимъ человѣка въ полуобразованіе, мы приводимъ его въ худшее невѣжество: въ немъ развивается, по мѣрѣ невѣжества, ложная претензія на знаніе и онъ стремится разсуждать о чемъ угодно, не имѣя ни знанія, ни опыта. Дѣйствительное же знаніе, воспитывая человѣка, дѣлаетъ его способнымъ сказать «не знаю» о томъ, чего не знаетъ, и воздерживаетъ его отъ безпорядочныхъ разсужденій внѣ предѣловъ его знанія.

Напрасно думаютъ, что учитель образуется *знаніемъ*, что знаніе творить учителя. Знаніе

необходимо: учитель долженъ знать то, чему призванъ учить, но не въ учености учителя главное дѣло. Учителя образуетъ сочувственное единеніе съ природою, съ жизнью и бытомъ дѣтей, коихъ учить онъ призванъ. Добрый учитель живетъ одною жизнью со своей школой. Никакой методъ, никакая система воспитанія сама по себѣ не поможетъ успѣху ученія, если учитель прилагаетъ одну и ту же мѣрку ученья ко всѣмъ дѣтямъ, съ коими имѣетъ дѣло. Каждый ребенокъ—самъ по себѣ—своею природою, и существенно отличается отъ другого. Учитель тупой заучилъ одну формулу и всѣмъ одну ее твердить. Но живой учитель понимаетъ, что имѣетъ дѣло въ каждомъ ребенкѣ съ живою душой: у каждой свои думы и свои интересы, и каждая способна отзываться только на такую рѣчь, которая ей понятна; но кромѣ того и школа вся въ совокупности имѣетъ свою душу и живетъ своею жизнью, и смотритъ въ глаза учителю открытыми глазами. Чтобы владѣть ею; чтобы говорить съ нею, учитель долженъ отвѣчать на эти запросы, возбуждая и поддерживая любознательный интересъ во всѣхъ и каждомъ. И то, чему онъ учить, о чемъ говорить, онъ долженъ знать такъ твердо и представлять себѣ такъ ясно, чтобы могъ во всякую

минуту отвѣтить на всѣ вопросы, которыми отзываются дѣти на урокъ и на рѣчь его.

Когда образовалась такая живая связь между учителемъ и школой, дѣйствіе учителя на учениковъ учительное и воспитательное, какъ всякое дѣйствіе духа, есть нѣчто сокровенное, не доступное *внѣшней* повѣркѣ. Инспекторъ или наблюдатель, при внѣшнемъ осмотрѣ школы, не въ силахъ проникнуть въ него. Потому иногда случается, что наблюдатель, повѣряя состояніе и успѣхи школы внѣшнею мѣркою экзамена, весьма ошибается, и не можетъ различить добро и успѣхъ тамъ, гдѣ они сокрыты во внутренней жизни. Учитель вложилъ мысль въ дѣтскую голову,—и мальчикъ понимаетъ обращенную къ нему рѣчь учителя; но когда требуется изложить ее стороннему человѣку въ видѣ отвѣта на вопросъ его,—онъ смущенъ и не умѣетъ отвѣтить—надобно, чтобы эта мысль проносилась въ головѣ и пустила корни прежде, чѣмъ онъ въ состояніи будетъ выразить ее осмысленно. Этого условія, къ сожалѣнію, не признаетъ внѣшняя мѣрка экзамена, и потому нерѣдко требуетъ отъ дѣтей того, чего они дать не могутъ—но что даетъ иногда только механическое дѣйствіе неосмысленной памяти.

Мы склонны приписывать дѣйственную силу методѣ обученія. Но примѣненіе той или другой методы можетъ имѣть одно лишь механическое дѣйствіе, если ученикъ не понимаетъ, зачѣмъ ему тотъ или другой урокъ. Заставить ученика учиться можно лишь тогда, когда онъ начнетъ понимать, для чего онъ учится: въ этомъ смыслѣ настоящее ученіе состоитъ въ томъ, что ученикъ *приводится* къ знанію. Для этого добрый учитель обращается къ двумъ душевнымъ качествамъ, на коихъ утверждается всякое знаніе: къ *любопытности* и къ *наблюдательности*. Эти качества отыщеть добрый учитель въ душѣ у cadaго, если потрудится взглянуть въ нее. Усвоить ученіе можно только посредствомъ *внутренняго* усвоенія: одно внѣшнее для сего безсильно. А обычно у насъ къ сожалѣнію только внѣшнее: умъ ученика представляется какъ бы комодомъ со множествомъ ящичковъ и уголковъ, которые требуется всѣ наполнить фактами: предполагается, что они останутся въ умѣ навсегда и что каждое помѣщеніе служитъ ихъ хранилищемъ, изъ коего можно извлечь когда угодно потребное знаніе. И когда придетъ пора экзамена, всѣ эти ящички раскрываются на показъ; но—пройдетъ немного времени—и всѣ эти запасы пропадутъ безслѣдно,

потому что знаніе было механическое, дѣланное, а не жизненное.

Сократъ былъ великій учитель,—и сколько ученыхъ людей съ его времени отъ него заимствовали свое ученіе. Но въ смыслѣ нашего школьнаго учительства онъ былъ бы непригоденъ. Онъ не начиналъ своихъ учениковъ никакими знаніями. Самъ говоря о себѣ, онъ называлъ себя умственною *повитухою*, т. е. помогалъ умамъ человѣческимъ разрѣшаться идеями, износить изъ себя идеи. Сократъ создалъ искусство предлагать вопросы, донинѣ носящее названіе сократическаго метода; но отвѣты на вопросы его скрывались уже въ умѣ у того, кому предлагался вопросъ. Однако ни одинъ изъ учениковъ его не умѣлъ бы отвѣчать на школьномъ экзаменѣ: на экзаменѣ требуется *знаніе*. А Сократъ обладалъ удивительно тонкимъ искусствомъ приводить своими вопросами въ движеніе умы, возбуждать въ нихъ работу, которая понуждала ихъ провѣрять въ себѣ идеи и понятія. И такимъ образомъ, не уча ничему, Сократъ выводилъ учениковъ, которые сами могли всему научиться.

Блаженный Августинъ (въ своей исповѣди), описывая годы школьнаго ученія, говоритъ: «любили мы играть въ волку, и за то насъ наказывали люди, которые дѣлали то же самое, что мы; только—пустяки у большихъ людей называются *дѣлами*, а когда дѣти тѣмъ же занимаются, ихъ за то наказываютъ старшіе». — Не подлежитъ сомнѣнію, что нерѣдко пустяки у большихъ людей называются дѣлами. Видишь, люди чрезвычайно заняты, и когда спросишь, говорятъ—заняты дѣломъ; но половина того, что дѣлаютъ, оказывается одна игра въ пустяки. Такъ разсуждаемъ иной разъ мы взрослые о дѣлахъ и занятіяхъ другихъ людей; но, вѣдь, у дѣтей глаза не плоше, чѣмъ у насъ, они все замѣчаютъ, ко всему приглядываются. Ты учишь ребенка, даешь наставленія и уроки, а онъ на тебя смотритъ и судитъ тебя, *какъ ты есть*, а не по рѣчамъ твоимъ.

Экзаменъ въ смыслѣ *испытанія*—дѣло нужное и полезное. Въ этомъ смыслѣ онъ возбуждаетъ и поддерживаетъ сознательную энергію и учителя и ученика! Но въ дѣйствительности экзаменъ перестаетъ быть испытаніемъ и превращается въ механическую *мѣрку* матеріала, помѣщаемого въ голову и въ память ученика

въ качествѣ *знанія*. Въ этомъ смыслѣ экзаменъ становится *бѣдою* школьнаго дѣла. Тогда—провести цѣлый классъ черезъ экзаменъ—становится главною *цѣлью* и главнымъ предметомъ обученія: главная забота и учителя и ученика—чтобы экзаменъ прошелъ благополучно, и учитель невольно стремится сократить по возможности нервное напряженіе всей операціи краткими и быстрыми вопросами, обращааемыми къ *памяти* ученика. При этомъ совсѣмъ забыта главная цѣль обученія—умственное развитіе ученика. На послѣднихъ дняхъ курса сосредоточивается все напряженіе и учителя и учениковъ, для того чтобы вмѣстилось въ головы все то количество учебнаго матеріала, какое должно явиться на экзаменѣ въ качествѣ *знанія*. Начинаются особливья заботы учебнаго начальства оградить вѣрность такъ называемаго испытанія отъ всякихъ уловокъ со стороны учениковъ, изобрѣтаются для сего всякаго рода механическія предосторожности, и стѣсненія свободы ученика во время экзамена; а со стороны учениковъ изобрѣтаются средства—безъ труда или съ наименьшимъ трудомъ отвѣтить на предполагаемые вопросы. Между тѣмъ въ цѣломъ классѣ день и ночь происходитъ такъ называемое зубреніе учебнаго матеріала по программамъ и билетамъ

экзамена, и наконецъ къ утру назначеннаго дня собирается вся истомленная толпа на судъ испытанія. Дѣло завершается—иногда только къ ночи—торжествомъ однихъ и горькимъ рыданіемъ другихъ, при чемъ иные послѣдніе становятся первыми, а первые послѣдними. Если спросить—на какомъ основаніи—трудно будетъ отвѣтить.

Скажутъ: на основаніи отвѣтовъ на билетики, взятые изъ программы преподаванія предмета. Эта программа тщится обыкновенно обнять всѣ части предмета, и въ общихъ выраженіяхъ, и во всѣхъ подробностяхъ, при чемъ предполагается, что все это пройдено, что все это должно быть понято и усвоено, и что все это должно быть начертано въ памяти cadaго ученика...

Въ системѣ экзамена все какъ будто рассчитано на то, чтобы держать учениковъ въ нервномъ напряженіи, а не давать имъ времени одуматься и обмѣняться, дабы они всѣ свои силы, особливо же память, направили безъ отдыха на приготовленіе къ экзамену. Но когда бы обученіе происходило въ теченіе года съ истинною цѣлью умственнаго развитія учениковъ, надлежало бы напротивъ того передъ экзаменомъ оставлять имъ нѣсколько дней свободныхъ, дабы они могли спокойно опознаться въ своихъ свѣ-

дѣніяхъ, сознательно различая существенное отъ несущественныхъ подробностей и приготовить себя къ дѣйствительному испытанію.

Бѣдныя дѣти! Тяжелъ для нихъ экзаменъ и въ домашней обстановкѣ школы, когда единственная цѣль его—повѣрка, поглотили ли они въ себя въ теченіе положеннаго срока, и къ положенному дню, всѣ тѣ знанія, или лучше сказать, всѣ тѣ предметы и вопросы, какіе поставлены въ программѣ. Похоже на то, какъ бы дѣло шло о переливаніи драгоцѣнной жидкости изъ большой бутылки въ маленькіе сосуды подставленные: все ли изъ большого сосуда вылито и всѣ ли малые сосуды наполнены...

Но сколько еще тяжеле имъ, когда это испытаніе производится Коммиссіей, сѣзжающей въ школу въ положенный день и составленною изъ представителей разныхъ органовъ наблюдающей за повѣркою власти! Какое волненіе предшествуетъ этому роковому дню, особливо когда школа находится гдѣ-нибудь въ глухой деревнѣ, куда не скоро и доѣдешь, и гдѣ приходится иногда днями выжидать наѣзда. Садятся строгіе судьи, изъ коихъ никто не знаетъ ни школы ни дѣтей—и никому изъ нихъ некогда познакомиться съ внутреннимъ

міромъ школы и войти сколько нибудь въ жизнь ея—они спѣшатъ кончить здѣсь и переѣхать въ другое мѣсто. И передъ лицомъ ихъ какой страхъ, какое смущеніе—учителю, учительницѣ, дѣтямъ, ожидающимъ за отвѣтъ—свидѣтельства и той или другой льготы, ибо льгота всюду связана съ экзаменомъ. А въ числѣ строгихъ судей—много ли найдется имѣющихъ понятіе о предметѣ ученія и экзамена. Зачѣмъ знать—передъ ними программа и рядъ вопросовъ—стоитъ предложить любой вопросъ и потомъ слышать, какъ отвѣчаетъ ребенокъ,—и когда онъ запнется, перерывать его вопросами, какіе взбредутъ на умъ. Блаженна школа, гдѣ мирно и съ успѣхомъ проходитъ такое испытаніе! Но сколько плача бываетъ иногда послѣ него въ школѣ и дѣтямъ и учительницѣ!

Обычное въ учебномъ дѣлѣ упражненіе и испытаніе—писать сочиненія на заданныя темы. Дѣло это крайне нужное и полезное, когда ведется разумно, что не всегда бываетъ. Прежде всего необходимо выбрать темы, приспособленныя къ степени развитія каждаго ученика, къ предметамъ, о коихъ онъ имѣетъ понятіе, наконецъ къ интересу его и вкусу, на сколько то и другое подмѣчено. Если же темы выбраны

необдуманно или выражены неопредѣлительно, работа будетъ тяжкая и безплодная.

Иной учитель приступаетъ къ ученикамъ съ такимъ требованіемъ: выражайте ваши мысли въ сочиненіи, и затѣмъ судить о сочиненіи по тому, какъ, по его мнѣнію, и какія мысли въ сочиненіи выражены. Однако не легко въ каждомъ случаѣ разобрать, какія *свои* мысли можетъ имѣть тотъ или другой ученикъ о томъ или другомъ предметѣ. Говорятъ ему: читайте книги и потомъ обдумывайте. Но какія книги? Для этого требуется разумное руководство,—а если нѣтъ его, то отъ случайнаго и безпорядочнаго чтенія голова начинается только тысячами безсвязныхъ словъ, фразъ и понятій. Притомъ—для чтенія осмысленнаго требуется время, извѣстный досугъ, а гдѣ добыть то и другое ученику въ массѣ предметныхъ по программѣ уроковъ?

Но что значить для ученика мыслить,—объ этомъ все равно думаютъ и разсуждаютъ. А приучать его мыслить—первое, казалось бы, дѣло въ школѣ. Мыслить, т. е. давать себѣ отчетъ въ томъ, какъ вяжутся между собою понятія и образы и какъ все выходитъ одно изъ другого какъ слѣдствіе и причина, и какъ понятіе точное и опредѣлительное выражается въ словѣ.

Кто имѣетъ привычку такъ мыслить, тотъ можетъ и правильно выразить въ словѣ своемъ мысль о предметѣ мышленія. Въ школѣ должна начинаться и воспитываться самая драгоценная и для человѣка и для всего общества способность размышлять и судить здраво.

Говорятъ, что школа существуетъ для ученія, а не для воспитанія. Это неправда. На этомъ ложномъ основаніи учреждаются учебныя заведенія, наполняются массою учениковъ, распределенныхъ по классамъ, учитель имѣетъ дѣло съ безличною массою—и ему не важно, кого онъ учитъ и кого спрашиваетъ, а важно только, какой отвѣтъ дается на формальные вопросы программы и сколько учениковъ прошло успѣшно черезъ экзаменъ и получило права, соединенныя съ цифрою успѣха. Неудивительно, что ученики покидаютъ такую школу съ радостью и выносятъ изъ нея недовольство школою или даже отвращеніе отъ нея.

Нѣтъ, ученіе безъ воспитанія невозможно, ибо на ученіи долженъ воспитываться характеръ, на ученіи зиждется интересъ къ предмету ученія, на ученіи образуется привычка къ добросовѣстному и сознательному исполненію труда; на ученіи воспитывается *опрятность* и внѣш-

нихъ обычаевъ жизни и обращенія съ людьми. Въ разумной системѣ обученія всякій ученикъ является единицею, лицомъ, изъ коего ученіе должно извлечь и привести въ развитіе тѣ способности и наклонности, какія въ немъ оказались. Гдѣ нѣтъ этого, тамъ остается только механика и ученія и воспитанія, механика безъ содержанія. Гдѣ это есть, тамъ ученикъ привязывается къ школѣ и выноситъ изъ нея любовь и благодарность.

Но гдѣ есть добрый учитель,—какое великое дѣло предстоитъ ему всматриваться въ душу ребенка и юноши, и работать надъ нею, и проникать въ таинство каждой души, съ которою имѣетъ дѣло, открывать въ ней сложныя и тонкія нити побужденій и наклонностей, распознавать высокія и благородныя ея стремленія. Не въ этомъ ли смыслѣ издревле было сказано: *maxima debetur pueris reverentia*.

Говоря о курсахъ *общеобразовательныхъ*, сознаемъ ли мы ясно цѣль и задачи того, что зовется *общимъ образованіемъ*. Задачи эти разрѣшаются обычно наборомъ предметовъ, составленіемъ программъ, опредѣляющихъ учебное содержаніе cadaго предмета, и росписаніемъ ихъ по курсамъ. Принадлежностью всей этой

организаціи является такъ называемая учебная или классная литература, состоящая изъ массы учебниковъ, безъ конца нарождающихся:—громада, которою завалены учебные столы и книжные склады. Составители этихъ книгъ большею частью орудуютъ наборомъ разныхъ правилъ и формулъ, располагаемыхъ въ той или иной системѣ подъ разными техническими названіями, съ тѣмъ чтобы все это разложить по разнымъ угламъ ученической памяти и извлекать оттуда по требованію. Выразительнымъ образцомъ всей этой литературы служатъ безчисленныя грамматики, усыпанныя множествомъ техническихъ терминовъ, рядами именъ означающихъ всѣ особенности и обороты словесной рѣчи, всѣ способы выраженія мысли и понятія словомъ. И все это могло бы быть просто усвоено разъясненіемъ и употребленіемъ каждому ученику, безъ тяжкаго испытанія памяти; но когда учитель имѣетъ дѣло съ массою, состоящею изъ сорока или болѣе учениковъ, приходится ему орудовать одной памятью при помощи учебника. Развѣ особенно даровитый и одушевленный учитель можетъ справиться съ этой сложною сѣтью именъ и правилъ и сквозь нее провести интересъ словеснаго искусства и свѣтъ простого разумѣнія.

Много наукъ означено въ распредѣленіи курсовъ и часовъ преподаванія, и безспорно, что это знанія необходимы. Необходимы опредѣлительныя и точныя понятія объ исторіи и географіи, о землѣ и физическихъ силахъ и явленіяхъ, о законахъ счисленія, о культурѣ и литературѣ, понятія оживленныя интересомъ. Но, при всемъ томъ, что нибудь должно служить основнымъ предметомъ, существеннымъ знаніемъ, которое ученикъ долженъ вынести изъ школы общаго образованія, орудіемъ, съ коимъ онъ можетъ надежно вступить въ трудъ высшаго образованія.

Это—въ первыхъ нормальное развитіе религіознаго знанія и настроенія, въ связи съ церковью—духовная, нравственная основа жизни и дѣятельности. Другое—и очень существенное—это словесное искусство и знаніе. Хорошая та школа, которая приучитъ учениковъ своихъ мыслить и выражать мысль въ словѣ ясно, точно и опредѣлительно. Если человѣкъ прошедшій курсъ образованія не въ состояніи понимать точное значеніе словъ родного языка своего и орудуетъ ими въ рѣчи своей беспорядочно и бессознательно, его нельзя признать достаточно образованнымъ; а когда большинство лишено этого искусства въ словѣ,—отсюда выхо-

дить то смѣшеніе понятій и въ частной и въ общественной жизни,—которое такъ явственно отражается на нашемъ времени. Съ непомѣрнымъ развитіемъ наукъ и научной культуры въ наше время, вошло въ литературную рѣчь множество новыхъ понятій, новыхъ словъ и новыхъ терминовъ, повторяемыхъ безъ точнаго сознанія и въ устной и въ письменной рѣчи. И такъ выходитъ, что драгоцѣннѣйшее достояніе духа—родное слово утрачиваетъ свое духовное значеніе, и сила и красота его—расплывается въ бессмысли безтолковыхъ толковъ и беспорядочныхъ писаній; и вмѣсто искусства писать на родномъ языкѣ (вмѣсто того, что повсюду въ культурной средѣ образуетъ *стиль*) распространяется легкое и всякому некультурному уму доступное искусство орудовать фразою. Образуются дурныя привычки легкаго писанія—коими заражаются и учителя и черезъ нихъ школа. Кому дороги истинныя начала образованія, тотъ не можетъ относиться равнодушно къ этой болѣзни, разъѣдающей школьное образованіе новыхъ поколѣній.

Древніе языки (нынѣ изгоняемые изъ школы) могли бы оказать въ этомъ отношеніи неоцѣненную услугу; они и оказывали ее въ прежнее время, когда школьное преподаваніе, было

въ рукахъ искусныхъ учителей-знатоковъ и древняго и родного языка.

Достоинство ихъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ мысль выражается съ особенною опредѣлительностью и силой, и слово и отвѣчающее слову понятіе отличается чрезвычайною точностью.—Вслѣдствіе того изученіе Эллинской и Латинской рѣчи служить лучшей школой для познанія своего родного языка и для искусства выражаться на своемъ языкѣ опредѣлительно и стройно. Кто любитъ свой родной языкъ, тотъ долженъ дорожить въ немъ этими самыми качествами, и стремится ощущать и понимать глубину и красоту слова на своемъ родномъ языкѣ. Выражая Латинскую рѣчь на родномъ языкѣ, ученикъ понуждается думать и искать въ свойствахъ своего языка точное выраженіе той же мысли и того же понятія, и такъ мало по малу пріучается постигать значеніе и красоту слова и красоту порядка составляющаго словесную одежду мысли. Такъ Эллинская и Латинская рѣчь, языки не употребляемые въ живой рѣчи и потому почитаемые мертвыми, потому именно способны оживлять юнымъ духомъ складъ новой живой рѣчи. Эта самая мертвенность рѣчи въ древнихъ языкахъ придаетъ имъ особенное педагогическое значеніе. Рѣчь живого

языка изучается, такъ какъ ребенокъ воспринимаетъ живую рѣчь своей матери, безсознательнымъ подражаніемъ, чѣмъ пріобрѣтается мало по малу способность говорить:—механическое дѣйствіе памяти, инстинктивно собирающей въ себя матеріаль для выраженія побужденій и мыслей. Но одна способность говорить сама по себѣ не даетъ еще способности разумно обращаться съ *словомъ*.—Извѣстно, что обученіе новымъ живымъ языкамъ совершается успѣшно не посредствомъ грамматики, а живую рѣчью, то есть также подражаніемъ и памятью,—а память, накопляя лишь матеріаль, безильна еще осмыслить его. Напротивъ того классическая рѣчь древняго языка побуждаетъ ученика вдумываться въ каждое слово и въ конструкцію каждой фразы,—съ каждымъ шагомъ все сознательнѣе, и учиться на своемъ языкѣ искать точнаго выраженія понятій и искусства составлять рѣчь ясно, сильно и красиво. Само-собою разумѣется, что когда учитель орудуетъ механически одною памятью, и изученіе древнихъ языковъ становится безплодно.

Другое орудіе словесной науки для русскаго человѣка—нашъ церковно-славянскій языкъ—великое сокровище нашего духа, драгоценный источникъ и вдохновитель нашей народной

рѣчи. Сила его, выразительность, глубина мысли въ немъ отражающейся, гармонія его созвучій и построение всей рѣчи—создаютъ красоту его, неподражаемую. И на этомъ языкѣ творцы его, воспитанные на красотѣ и силѣ Эллинской рѣчи, дали намъ книги Священнаго Писанія. Но и здѣсь, конечно, если вся наука основана на памяти и на изученіи грамматическихъ формъ,—и она окажется бесплодною.

Пріятный видъ представляетъ школьное зданіе, выстроенное гдѣ-нибудь въ городѣ или въ большомъ селѣ, на проѣзжей улицѣ, снабженное партами, учебными пособіями и всѣми принадлежностями школы. Вокругъ движется жизнь, есть книги, есть иногда общественныя собранія.—

Иное дѣло — школа притаившаяся гдѣ-нибудь въ углу, вдалекѣ отъ всякой проѣзжей дороги, иногда вдалекѣ отъ жилья, отрѣзанная отъ всякаго движенія, иногда вдалекѣ отъ самаго погоста или церкви. Увы! много такихъ угловъ въ пространной необозримой Россіи— все вокругъ пусто—лѣсъ или степь или болото или пустынное озеро—и ничего ни откуда не достанешь, нѣтъ въ иномъ мѣстѣ ни коровы ни курицы—и самую воду достаютъ съ трудомъ издалека. Рѣдко кто заѣдетъ сюда, и заѣхавъ,

спѣшить скорѣе уѣхать въ людное мѣсто. Однако, когда и здѣсь кто-нибудь добрый человѣкъ завелъ школу въ бѣдной, холодной избушкѣ, и тутъ завязывается жизнь — и сюда сходятся, почуявъ школу, дѣти, по бездорожью, черезъ снѣгъ и грязь, когда есть какая-нибудь возможность сюда добраться. И вотъ въ этихъ-то углахъ нерѣдко доводится нечаянно заѣхавшему путнику находить бьющую ключемъ школьную жизнь, когда въ такую школу попала молодая учительница, которую привлекла сюда любовь къ дѣтямъ, жалость къ бѣднотѣ и темнотѣ ихъ и горячее желаніе строить дѣтскія души. Тогда около нея собирается цѣлый рой ребятъ, которыхъ не отгонишь отъ школы, потому что въ ней находятъ они первые лучи свѣта изъ тьмы, черпаютъ первые интересы въ разцвѣтѣ духовной жизни, встрѣчаютъ нѣжную любовь, заботу и ласку. Трудъ въ такой школѣ есть великій подвигъ души, подвигъ истощающій, но и питающій души, подвигъ, на который именно женская душа способна. Тутъ надобно жить въ нуждѣ, въ голодѣ и въ холодѣ, иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ безъ горячей пищи,—и дѣлать эту жизнь съ бѣдняками живущими въ голодѣ и холодѣ. Почуявъ тепло и свѣтъ, рвутся туда со всѣхъ сторонъ дѣти, но какъ имъ дойти до

школы и изъ ближняго мѣста,—когда у нихъ ничего нѣтъ кромѣ рубашонки и ветхихъ лоскутьевъ, ни платья, ни обуви, а добираться до школы приходится издалека, черезъ снѣжные сугробы, и непогоду въ бездорожья. Счастье, когда откуда нибудь доброе сердце благодѣтельною рукой пошлетъ помощь—одѣтъ голыхъ или накормить голодныхъ дѣтей.

Когда гдѣ-нибудь въ глухой деревнѣ заведется въ такой школѣ такая учительница, оживаетъ иногда цѣлая деревня. И днемъ и вечеромъ убогій домикъ наполненъ;—по вечерамъ, въ слѣдъ за дѣтьми, приходятъ иногда и родители слушать, какъ читаетъ дѣтямъ учительница, какъ начинаютъ они пѣть подъ ея руководствомъ, а если удастся ей образовать хоръ для убогой сельской церкви, и случится добрый священникъ, вся церковь преобразуется, и посреди безысходной тоски и пустоты, въ которую погружена зимою деревня, зажигается свѣточъ молитвеннаго настроенія, свѣточъ духовнаго интереса.

Когда человѣку истомленному пустотою и пошlostью городской жизни, пошlostью и пустотой рѣчей повсюду раздающихся, приходится иногда заглянуть въ такіе глухіе уголки, затерянные посреди лѣсовъ и болотъ въ снѣж-

ныхъ сугробахъ, и открыть тамъ этихъ подвижниковъ и подвижницъ, печальниковъ народной темноты и бѣдности, ищущихъ вывести къ свѣту душу живую,—онъ готовъ въ умиленіи воскликнуть: Господи! утайль Ты сіе отъ премудрыхъ и разумныхъ и открыль младенцамъ!

Слава Богу! Много закрытыхъ отъ большого міра глухихъ угловъ въ Россіи, гдѣ живутъ—своему только міру извѣстные труженики, ничтоже имущіе, но многихъ богатыщіе—народные печальники и просвѣтители, убогіе священники, незнатные въ консисторіяхъ, простые изъ народа учителя, десятки лѣтъ трудящіеся въ незнатной школѣ ими заведенной, и особливо учительницы, жалостливою женскою душою постигшія тайну добраго дѣланія и доброй цѣли въ жизни. Трогательна и поучительна ежедневная, съ ранняго утра до поздняго вечера, жизнь такой учительницы въ кругу дѣтей, которыхъ не отводишь отъ школы, гдѣ они находятъ свѣтъ и тепло и материнскую о себѣ заботу. Утро все въ урокахъ, вечеръ весь въ чтеніяхъ, въ пѣніи, въ работѣ съ тѣми же дѣтьми. Сама живя въ нуждѣ, думаетъ она о томъ, какъ бы согрѣть и прикрыть бѣдноту и нужду дѣтей—и всѣ къ ней бѣгутъ со своими нуждами, и

свои—не рубли, а копейки тратить она на покрытіе копеечныхъ нуждъ, выпрашивая у кого можно помощь дѣтямъ. Приходитъ праздникъ—ея думы о томъ, какъ устроить имъ праздничную радость, и собирая отовсюду, готовитъ имъ ёлку, устраиваетъ чтеніе и пѣніе, оживляя всю деревню дѣтскимъ веселіемъ.

Кто знаетъ русскую деревню, можетъ представить себѣ положеніе сельской учительницы. Гдѣ-нибудь въ мѣстѣ благоустроеннаго быта школьное дѣло устраивается по чину учебныхъ заведеній. Въ извѣстный часъ дѣти приходятъ на уроки, въ извѣстный часъ уходятъ, учитель свободенъ и школа пустѣетъ. Не то въ деревнѣ, и еще въ глухой и пустынной деревнѣ, какими преисполнена громадная Россія. Здѣсь дѣти льнутъ къ школѣ цѣлый день до вечера, и когда они не въ школѣ, многимъ ли изъ нихъ доводится придти въ среду *домашняго* быта, гдѣ есть и уголь для занятій, и забота отца и матери и пища въ положенное время! Для множества дѣтей школа-то и является домомъ, который узрѣли они въ первый разъ въ жизни, и такъ для нихъ учительница является и матерью и кормилицею, если ей самой есть чѣмъ кормиться!

А часто и ей самой кормиться нечѣмъ и есть едва во что одѣться—жилище ея холодное и надо просить всюду, чтобы добыть дровъ, чтобы достать освѣщеніе въ вечернюю пору. А вокругъ нея нерѣдко бѣдняки, отъ коихъ и достать нельзя, и дѣти безъ теплаго платья и безъ обуви, и нерѣдко школа ея отдѣлена отъ люднаго жилья дальнимъ пространствомъ и непроходимыми снѣгами. Скудное ея жалованье приходится ей нерѣдко выжидать мѣсяцами, покуда дойдетъ оно до нея изъ отдаленныхъ пунктовъ школьнаго управленія. И счастье, когда найдетъ она около себя—добраго и усерднаго священника, жалостливаго сосѣда крестьянина, внимательное начальство. Иначе—ожидаетъ ее тяжкая борьба съ невѣжествомъ, съ равнодушіемъ, иногда съ враждою—всѣхъ тѣхъ, отъ кого она жаждала помощи и содѣйствія.

Какое—не только терпѣніе,—но какую любовь и жалость къ бѣднотѣ и невѣжеству надобно хранить въ душѣ своей, чтобы выносить мѣсяцы и годы жизни въ такой обстановкѣ, и въ такомъ напряженіи духовной силы. Вѣдь, добрая учительница не съ массою дѣтей имѣетъ дѣло, но она знаетъ каждаго особенно, какъ Ваню, Колю, Сашу, Катю, Машу и пр., и съ каждою душой вѣдается особенно и каждая

несетъ ей свою особливую природу и свою нужду и заботу. И такъ немудрено, что какъ свѣча, которая даетъ свѣтъ, но и сама сгараеть, учительница въ нѣсколько годовъ истощается и сгараеть. Вотъ на какое дѣло могутъ стремиться многочисленныя въ наше время женскія души томящіяся въ исканіи живого себѣ дѣла и жизненной цѣли. А въ этомъ дѣлѣ— сколько и тяжкаго труда, но и утѣшительнаго сознанія.

Г Мысль сдѣлать изъ начальной школы ступень къ высшему образованію—ложная мысль, и ставить начальной школѣ искусственную цѣль и невыполнимую задачу. Призваніе начальной школы—дать мальчику или дѣвочкѣ первые элементы культуры умственной и нравственной и за тѣмъ оставить ихъ на томъ мѣстѣ и въ той средѣ, къ которой они принадлежатъ:— послѣ того отъ cadaго изъ нихъ въ особенности зависитъ, по склонности и способности искать себѣ усовершенія и занятія внѣ среды своей. Эта задача имѣетъ особое значеніе для насъ, такъ какъ призваніе нашей начальной школы дѣйствовать въ средѣ вовсе не культурной сельскаго населенія, и возбуждать и воспитывать въ дѣтскомъ умѣ и въ дѣтской

душѣ таящіяся въ каждой элементъ природной любознательности и чувствъ религіозныхъ и нравственныхъ.

Сверхъ того, если бы изъ начальной школы предполагалось устроить нѣчто въ родѣ лѣстницы, ведущей къ курсамъ средняго и высшаго образованія, надлежало бы, въ соотвѣтствіе съ этой цѣлью, устраивать самый курсъ начальной школы, вводить въ него новые предметы, расширяя и усложняя программы: а это было бы и матеріально и технически неисполнимо, слѣдовательно въ исполненіи оказалось бы только ложью и насиліемъ.

Напрасно учреждать университеты въ цѣляхъ высшаго образованія, если они сразу не могутъ быть поставлены подъ руководство авторитетныхъ экспертовъ науки, — а подвергнутся одному лишь контролю внѣшней власти. Если университетъ имѣетъ цѣлю только приготовленіе людей къ тому или другому роду общественной или государственной дѣятельности, — онъ лишенъ существеннаго значенія — быть домомъ чистой науки, лабораторіей научнаго изслѣдованія, — собирать людей къ представителямъ науки — ради науки. Университетъ — въ истинномъ своемъ значеніи долженъ служить обществу высшимъ

авторитетомъ для анализа, испытанія и повѣрки всѣхъ идей, возникающихъ въ обществѣ.

Исторія всѣхъ древнѣйшихъ университетовъ показываетъ, что они первоначально возникли изъ свободной ассоціаціи ученыхъ, любителей науки, соединявшихся въ корпорацію для научной цѣли. И нынѣ успѣхъ университета и правильное устройство жизни его и дѣятельности зависитъ непременно 1) отъ взаимной духовной связи научнаго интереса между профессорами науки, составляющими корпорацію; 2) отъ духовной связи профессора со студентомъ, въ силу коей послѣдній воспринимаетъ отъ перваго интересъ и методъ научнаго изслѣдованія; и 3) отъ взаимной связи между студентами въ духѣ дружественнаго товарищества и взаимнаго вспоможенія. Гдѣ нѣтъ этихъ трехъ условій, тамъ остается одно лишь имя университета.

Что такое ученье? Элементы его почерпаются изъ *жизни*; цѣль его—образовать человѣка, приготовить его для *жизни* и дѣятельности. Но нерѣдко на дѣлѣ выходитъ, что это именно ученье отдаляетъ человѣка отъ жизни, отвлекаетъ отъ жизни, приводя его вмѣсто знанія о жизни—къ невѣдѣнію жизни или къ ложному представленію жизни.

Всякое ученье, по существу своему, есть *отвлеченіе*—отвлеченіе простыхъ по возможности положеній и правилъ изъ жизни, а жизнь не только не проста, но сложна въ высшей степени. Мы приобретаемъ болѣе или менѣе знаній изъ той или другой науки—такъ, какъ бы эта наука была нѣчто само по себѣ существующее. Но міръ живетъ и движется самъ по себѣ, въ безконечности разнообразныхъ явленій, независимо отъ всѣхъ отвлеченій. Отвлеченія эти, къ которымъ мы прибѣгаемъ для своего удобства въ наукѣ, и всѣ отдѣльныя отрасли, на которыя раздѣлено у насъ знаніе,—не содержать въ себѣ цѣльной и самодовлѣющей истины.

Наука необходима:—ученіе всякій пройти долженъ для своего образованія,—но одной науки недостаточно еще для жизни.

Представимъ себѣ человѣка, прошедшаго всѣ курсы ученія, кончившаго *высшее образованіе*. Онъ выходитъ—скажемъ—изъ университета, съ богатствомъ отвлеченныхъ идей, почерпнутыхъ изъ науки: но и эти идеи и языкъ этихъ идей нѣчто чуждое и непонятное для обыкновеннаго человѣка, «живущаго посреди людей своихъ» въ кругу своемъ,—нѣчто отрѣшенное отъ жизни съ ея сложностью и разнообразіемъ. Рѣчи его

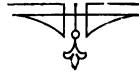
могутъ быть умныя, но для того чтобы понять ихъ, надобно пройти съ нимъ тѣ же курсы науки.

Не слѣдуетъ ли изъ этого, что всякое ученеіе усложняетъ отношеніе человѣка къ дѣйствительной жизни и что всякому прошедшему школу предстоитъ еще усовершенствовать свое ученеіе, *опростивъ* его, т. е. спуститься съ нимъ, для повѣрки его, въ дѣйствительную жизнь. Только дѣйствительность можетъ оживить его, вспрыснувъ послѣ мертвой воды живою. Наука открываетъ намъ законы *человѣчества*, но для жизни надобно еще намъ знать живого *человѣка*. Только тогда откроется намъ, какъ возможно приложить къ даннымъ условіямъ жизни и дѣла тѣ начала, которыя сообщила намъ наука. Здѣсь и окажется, что существенная цѣль умственнаго воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать и развивать въ человѣкѣ постоянную любознательность и наблюдательность: если же оно привело человѣка къ убѣжденію, что пройдя всѣ свои курсы, онъ уже все для жизни знаетъ,— такое воспитаніе обманчиво. Только тутъ, когда мы вступаемъ въ дѣйствительность, наступаетъ время дѣйствительной науки. Тутъ мы должны учиться, каждый около себя, изо всего, что окружаетъ насъ въ жизни. Тутъ, и гдѣ бы ни

пришлось жить намъ, если умъ нашъ сохранился живой и пытливый,—новыя идеи станутъ возникать въ насъ, новыя точки зрѣнія намъ откроются, новыя народятся одни за другими вопросы, которые поможетъ намъ ставить та же наука въ школѣ пріобрѣтенная. И мы увидимъ, какъ изученныя и вычитанныя нами теоріи—политическія, экономическія, социальныя и пр., преломляются въ средѣ жизни, по мѣрѣ того какъ мы узнаемъ ее, и въ какой мѣрѣ и въ какихъ условіяхъ могутъ онѣ примѣняться къ дѣйствительности.

Это—рѣшительное требованіе жизни, но многіе не думаютъ объ немъ или забываютъ его, оставаясь при неразумномъ и обманчивомъ сознаніи, что они все для жизни знаютъ и учатся нечему. Юноша, выросшій на своей родинѣ между своими людьми, когда попадаетъ въ большой городъ, склоненъ совсѣмъ отрѣшиться отъ сознанія нуждъ и потребностей того быта, посреди коего выросъ, и затѣмъ высшее образованіе переноситъ его въ міръ отвлеченій и теоретическихъ взглядовъ. Если же онъ въ этомъ мірѣ останется и тамъ, вдали отъ дѣйствительной жизни, утвердитъ свою дѣятельность—какая будетъ отъ нея правда для жизни!

Вспомнимъ древнее наставленіе: *познай самого себя*. Въ примѣненіи къ жизни это значитъ: познай среду свою, въ которой надобно тебѣ жить и дѣйствовать, познай *страну* свою, познай природу свою, *народъ* свой съ душою его и бытомъ и нуждами и потребностями. Вотъ что всѣ мы должны были бы знать и чего большею частью не знаемъ. Но какое благо было бы для насъ и для всего общества, когда бы мы постарались познать все это—хотя бы на томъ мѣстѣ, въ томъ краю, въ томъ углу края, гдѣ судьба насъ поставила...

ВЪ СИНОДАЛЬНЫХЪ КНИЖНЫХЪ ЛАВКАХЪ
ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

К. П. Побѣдоносцева:

- О подражаніи Христу. *Өомы Кемпійскаго.*** Переводъ съ латинскаго. Изд. 8-е, съ размышленіями изъ духовныхъ писателей. СПБ. 1899. Ц. 1 р. **25 к.**
- Исторія православной Церкви до начала раздѣленія церквей.** Изд. 8-е. СПБ. 1903. Ц. **75 к.**
- Праздники Господни.** Изд. 7-е. М. 1903. Ц. **50 к.**
- Побѣда, побѣдившая міръ.** Изд. 9-е. М. 1898. Ц. **45 к.**
- Московскій сборникъ.** Изд. 5-е, дополн. М. 1901. Ц. 1 р. **40 к.**
- Христіанскія начала семейной жизни.** Изд. 2. М. 1901. Ц. **75 к.**
- Исторія дѣтской души. Повѣсть не для дѣтей.** Изд. 4-е. М. 1902. Ц. 1 р.
- Новая школа.** Изд. 2-е. М. 1899. Ц. **50 к.**
- Ученье и учитель.** М. 1903. Изд. 5-е. Ц. **30 к.**
- Ученье и учитель. Вторая книжка.** М. 1904. Ц. **30 к.**
- Призваніе женщины въ школъ и обществѣ.** Изд. 2-е. М. 1901. Ц. **40 к.**
- Сборникъ сочиненій Гилярова-Платонова, въ двухъ томахъ.** М. 1899. Ц. 4 р.
- Вѣчная память. Воспоминанія о почившихъ.** Изд. 2-е. М. 1899. Ц. **75 к.**
- Правда о гр. Львѣ Толстомъ.** Изд. 3-е. М. 1901. Ц. **15 к.**

ВЪ СИНОДАЛЬНЫХЪ КНИЖНЫХЪ ЛАВКАХЪ
ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

К. П. Побѣдоносцева:

О подражаніи Христу. *Өмы Кемпійскаго.* Переводъ съ латинскаго. Изд. 8-е, съ размышленіями изъ духовныхъ писателей. СПБ. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія православной Церкви до начала раздѣленія церквей. Изд. 8-е. СПБ. 1903. Ц. 75 к.

Праздники Господни. Изд. 7-е. М. 1903. Ц. 50 к.

Побѣда, побѣдившая міръ. Изд. 9-е. М. 1898. Ц. 45 к.

Московскій сборникъ. Изд. 5-е, дополн. М. 1901. Ц. 1 р. 40 к.

Христіанскія начала семейной жизни. Изд. 2. М. 1901. Ц. 75 к.

Исторія дѣтской души. Повѣсть не для дѣтей. Изд. 4-е. М. 1902. Ц. 1 р.

Новая школа. Изд. 2-е. М. 1899. Ц. 50 к.

Ученье и учитель. М. 1903. Изд. 5-е. Ц. 30 к.

Призваніе женщины въ школѣ и обществѣ. Изд. 2-е. М. 1901. Ц. 40 к.

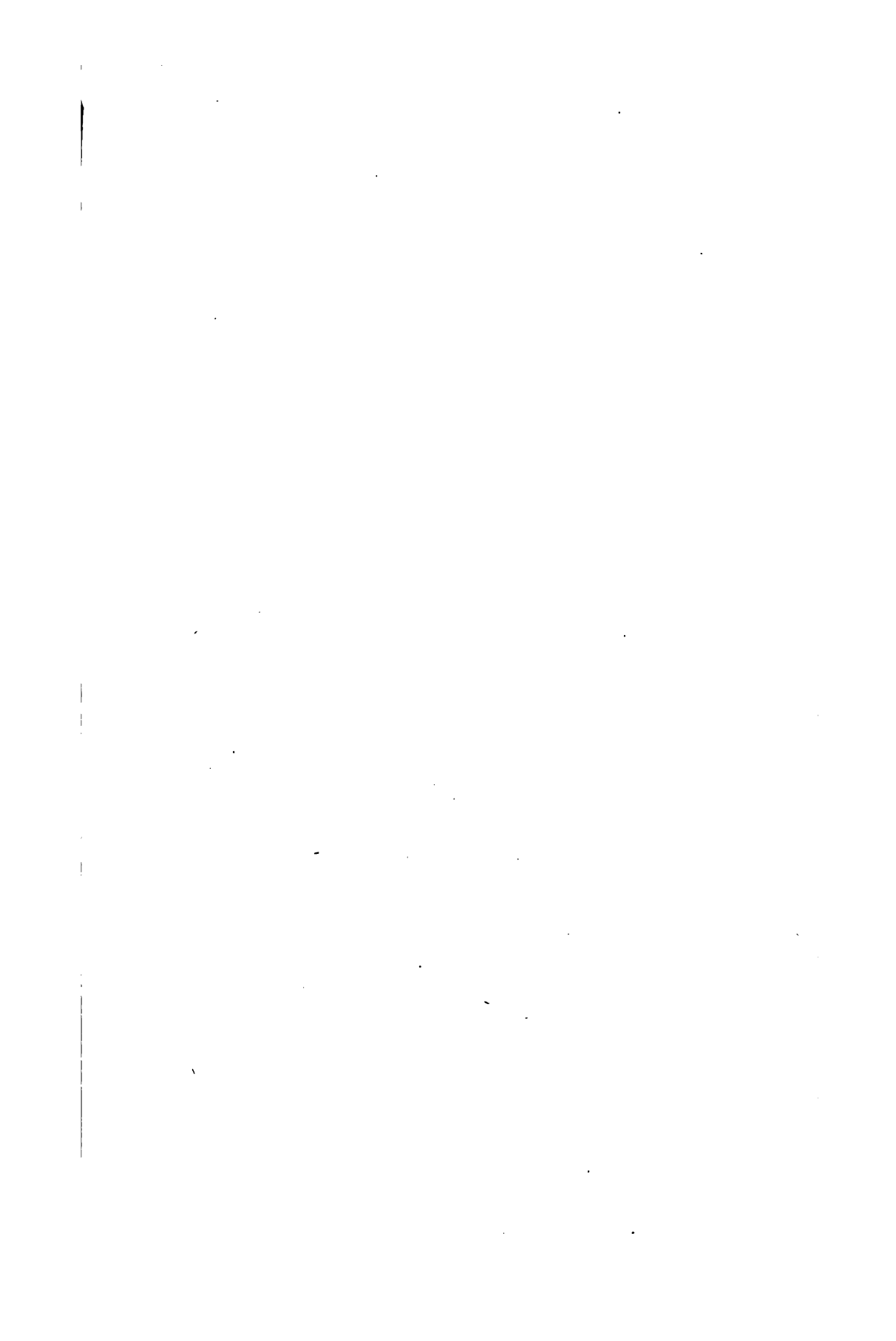
Сборникъ сочиненій Гилярова-Платонова, въ двухъ томахъ. М. 1899. Ц. 4 р.

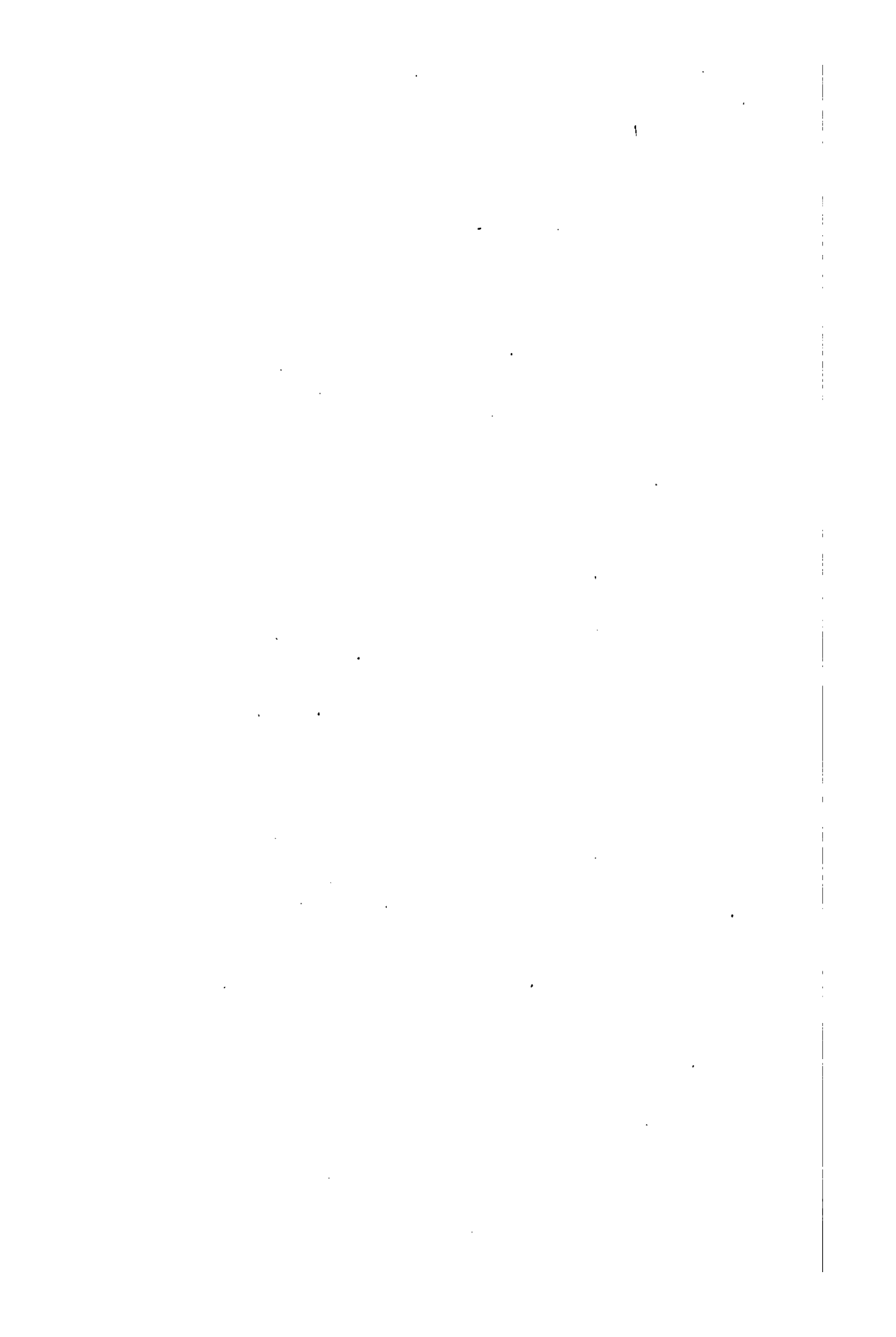
Вѣчная память. Воспоминанія о почившихъ. Изд. 2-е. М. 1899. Ц. 75 к.

Правда о гр. Львѣ Толстомъ. Изд. 3-е. М. 1901. Ц. 15 к.

Цѣна 30 коп.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

11/14/49 Rutgers Univ.

OCT 20 '58 H

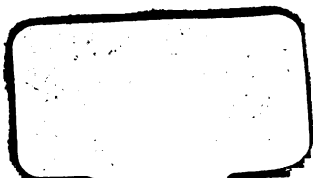
~~NOV - 4 '58 H~~

~~NOV 17~~

APR 13 '60 H

~~JAN 11 '64 H~~

37721

Educ 2019.04.15
Uchene i uchitel :
Widener Library

007091828

3 2044 079 713 376

